

ЮНЫИ ЧИТАТЕЛЬ

№ 9.

МАЙ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Три странника. Пасхальное преданіе А. Коринфскаго съ рис.	77
Свѣтлый праздникъ въ океанѣ. Разсказъ К. Станюковича съ рис.	80
Петька-зайчикъ. Разсказъ Н. Каразина съ рис.	86
Это было давно. Разсказъ С. Борткевичъ . .	90
Гибель Луны. Фантастическая повѣсть (про- долженіе) съ рис.	96
Бесѣды по исторіи русскаго искусства. Н. И. Мишеева съ иллюстр.	100
Пасхальное яичко. Очеркъ Л. К	105
Были и сказанія Руси: Святой князь — за- щитникъ вѣры. Ст. В. Лодыженскаго . .	107
Бой-скаутъ. Съ рис.	110
Юный филателистъ	113
Конкурсъ	114
Объявленія	

Приложеніе: „Дневникъ проказника“ — 9 листь.

Отъ редакціи. Отдѣлы „Юный натуралист“, „Карандашъ и перо“ и „Спортъ“, выпущенные изъ-за обилія литературнаго матеріала въ этомъ номерѣ, будутъ даны, по обыкновенію, въ слѣдующемъ номерѣ.

Три странника.

Пасхальное преданіе.

I.

Святая служба отошла,
Звонъ бурный колокольный
Гудѣль и таяль, и всплывалъ
Надъ стороной окольной:

„Христоръ воскресь!“ — колокола
Разымчиво звучали;
„Воскресь! Воистину воскресь!“ —
Поля имъ отвѣчали...

Отъ Свѣтлой утрени народъ
Веселою гурьбою
Изъ храма Божьяго домой
Шель съ радостной душою;

Передъ оградю кругомъ
Убогій людъ толпился —
Слѣпцы, калѣки, старики, —
Съ нимъ кто чѣмъ могъ дѣлился:

Одинъ — копѣйкой трудовой,
Другой — яйцомъ свячнымъ;
„Христоръ воскресе!“ — вторилъ
всѣмъ
Храмъ радостнымъ трезвономъ...

Толпа сплыла; всѣ огоньки
Во храмъ гаснуть стали...
У богатѣя подъ окномъ
Три нищихъ постучали;

Шли шумно роз-
говѣны тамъ,
Отъ яствъ, отъ
хмельныхъ бра-
шень
Ломился столъ;
гостями полнъ—
Весь домъ былъ
разукрашень...

„Кто тамъ?“ — окликнули на
стукъ.

„Пустите, Христа-ради,
Трехъ бѣдныхъ странниковъ
войти,
На Божій праздникъ глядя!“

„Нашли когда ломиться въ
домъ,
Бездомные бродяги...
Идите прочь! Не припасли
Для васъ здѣсь пива-браги!

„Иль мало хать вамъ на селѣ?
Полѣзли, вишь, въ хоромы...“

Пошли три стран-
ника, — едва
Плетутся отъ исто-
мы...

Вплоть до околи-
цы дошли, —
Стояла на задвор-
кахъ

Тамъ хата ветхая,
чуть-чуть
Держалась на под-
поркахъ;

Въ ней, вмѣстѣ съ
ней, кончала вѣкъ
Предсмертнымъ
ожиданьемъ
Чета убогихъ ста-
риковъ,
Питаясь подаянь-
емъ...

Свѣтился въ хатѣ
огонекъ;
Въ оконце погля-
дѣли:
Старикъ съ ста-
рушкою вдвоемъ
Тамъ за столомъ
сидѣли...

Къ нимъ младшій
странникъ постучалъ...
„Кого шлетъ Богъ?!“ — „Пустите
Троихъ прохожихъ...“ — „Въ
доброй часъ!
Благословясь — входите!..“

Взошли... „Христось воскрес!“
Имъ
„Воистину!“ — отвѣтомъ;
На нихъ хозяинъ самъ глядитъ
Съ радушьемъ и привѣтомъ:

„Садитесь, страннички, за столъ!
Въ пути проголодались...
Мы разговляться вотъ сейчасъ
Съ хозяйкой собирались...“

Хоть не великъ былъ разносоль,
Что было — подѣлили
Съ гостями оба бѣдняка
И спать ихъ уложили...

На утро смотря — нѣтъ гостей.
А въ хатѣ — что за чудо! —
Передъ божницей, на столѣ
Лежитъ червонецъ груда;

А на божницѣ — дивный ликъ
Сіяетъ весь лучами:
Христось, грядущій въ Эммаусъ
Съ двумя учениками...

II.

Дней стародавней
старины
Завѣтное пре-
данье...
О немъ въ народѣ
до сихъ поръ
Не умерло ска-
занье...

Гласить оно, что
чуть придетъ
Ночь Свѣтлая
Христова, —
Самъ Спасъ Всеми-
лостивый къ намъ
На землю сходить
снова;

Съ Нимъ вмѣстѣ
— Петръ, съ Нимъ
— Иоаннъ,
Апостолы святые;

Обходить села всѣ они
И всѣ поля земныя...

Не признаваемы никѣмъ,
Идутъ путемъ-дорогой
Три свѣтлыхъ странника, принявъ
Видъ нищеты убогой;

Стучать подъ окнами вездѣ,
Подходятъ къ каждой хатѣ
И добрымъ-праведнымъ несутъ
Вѣсть Божьей благодати...

Кто приметъ ихъ — взойдетъ къ
тому

За ними слѣдомъ счастье,
Господь сторицей воздастъ
За доброе участие:

Въ дому настанетъ миръ да ладъ,
Въ поляхъ — жди урожая,
Забудетъ путь въ тотъ домъ нужда
И доля горевая!..

Грядетъ Всемилостивый Спасъ,
Поля благословляетъ, —
Весь путь Ему весна-красна,
Цвѣтами осыпаетъ;

Цвѣты цвѣтутъ, въ лѣсахъ поютъ
И славятъ Бога птицы

Отъ ранней зорьки до огней
Прощальной зоряницы...

Гласить народъ, что сорокъ
дней —

Срокъ Спасова хожденья:
Со Свѣтлой утрени до дня
Господня Вознесенья.

Тогда опять восходить Онъ
За области земныя,
Съ Нимъ вмѣстѣ — Петръ, съ
Нимъ — Іоаннъ,
Апостолы святые...

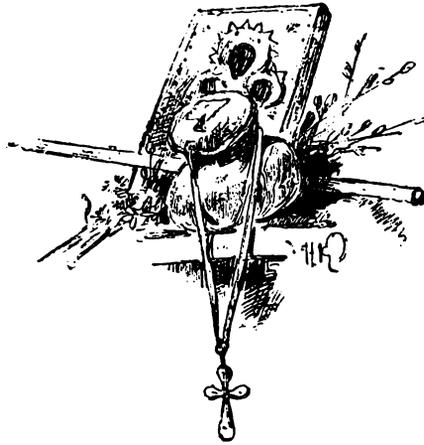
А. Коринфскій.

Въ Святую ночь.

Въ Святую ночь слышнѣй деревьевъ лепеть
И зеленѣй зеленый ихъ нарядъ;
Въ Святую ночь — отзывнѣй сердца трепеть
На каждый вздохъ, на каждый скорбный взглядъ.

Спать все вокругъ; душа не спать, не дремлетъ —
Она спѣшитъ на властный Божій зовъ,
И, просвѣтленная, любовь ко всѣмъ приемлетъ,
Всѣ радости, всѣ таинства міровъ.

З. П.

I.

Почти двое сутокъ Страстной недѣли насъ жестоко трепало въ Индѣйскомъ океанѣ. Благодаря предусмотрительности капитана, во время приказавшаго спустить брамъ-стенги и поставить штормовые паруса, мы съ честью выдержали ураганъ, благоразумно избѣгнувъ его центра, и не получили никакихъ серьезныхъ поврежденій. Только вельботъ смыло волной — вотъ и все.

Наконецъ, на третій день ураганъ ослабѣлъ, а въ пятницу и совсѣмъ прекратился. Вѣтеръ ужъ бѣшено не ревелъ, словно надрываясь какой-то исполинской грудью, не крутилъ, дробя въ алмазную пыль верхушки громадныхъ волнъ, разбивающихся съ страшнымъ гуломъ одна о другую. Океанъ не походилъ на грознаго, разъяреннаго, могучаго звѣря, готоваго поглотить однимъ глоткомъ ничтожную деревянную скорлупу съ сотней смѣлыхъ пловцовъ. Темныя, зловѣщія тучи исчезли; волна, утомленная, улеглась; барометръ быстро поднялся, — и солнце, жгучее и ослѣпительное, снова весело глядѣло на нашъ маленькій трехмачтовый клиперъ съ высоты бархатнаго голубого неба, подернутаго, словно бѣлоснѣжнымъ кружевомъ, перистыми, нѣжными облачками.

Старшій штурманъ, довольный, что солнце, скрывавшееся три дня, свѣтитъ теперь, какъ онъ выражался, «во всю рожу», уже беретъ вы-

сты; а старшій офицеръ Василій Ивановичъ, давно уже осмотрѣвшій весь клиперъ вмѣстѣ съ боцманомъ, попыхивая папирской, благодушно допиваетъ свой третій стаканъ чаю, сидя на диванѣ въ каютъ-компани, принявшей снова свой обычный безукоризненно-чистый видъ. Одного лишь капитана не видно. Онъ отсыпается послѣ трехъ сутокъ, почти безсмѣнно проведенныхъ имъ у штурвала, около рулевыхъ. Во время урагана онъ, лишь на два, на три часа спускался днемъ, чтобы обсушиться и вздремнуть, и снова, на видъ спокойный и серьезный, съ осунувшимся лицомъ и скрытой тревогой на душѣ, выходилъ наверхъ защищать свой любимый «Голубчикъ» отъ ярости урагана и спасти ввѣренныхъ ему людей.

Въ Страстную субботу, среди океана, вдали отъ родины и болѣе привычной для всѣхъ береговой обстановки, большая часть матросовъ, преимущественно старики, были въ какомъ-то особенномъ торжественномъ настроеніи, видимо безконечно довольные, что трепка прекратилась и можно встрѣтить праздникъ, не штормуя, а похоже, какъ и на берегу: честь-честью помолиться за Свѣтло-Христовой заутреней и разговѣться послѣ недѣли поста. Въ этотъ день, послѣ обычной утренней уборки клипера, никакихъ учений и занятій не было, и свободные отъ вахты могли заниматься своими дѣлами. Матросы ходили къ обра-

зу, передъ которымъ старый матросъ Щербаковъ (образной) съ раннего утра уже затеплилъ лампаду, молились, кладя земные поклоны, и уходили наверхъ, вынося свои парусиные чемоданчики. Примостившись на палубѣ, они осматривали чистыя, большей частью собственные, бѣлыя рубахи, шейные платки, парусинные башмаки, чинились и прибирались. Сбившись по разнымъ угламъ кучками, многіе слушали Евангеліе, читаемое нараспѣвъ какимъ-нибудь грамотнымъ матросомъ. Вообще, готовились къ великому празднику истоиво и серьезно. Въ этотъ день почти никто не пилъ передъ обѣдомъ своей чарки, и нѣкоторые ничего не ѣли. Разговоры велись болѣе или менѣе соответствующіе настроенію, и всѣ воздерживались отъ привычныхъ крѣпкихъ словъ. Даже старый боцманъ Щукинъ, не умѣвшій сказать трехъ словъ, не уснастивъ ихъ самой отборной руганью, и тотъ сегодня имѣлъ нѣсколько сконфуженный видъ и ругался меньше.

Въ палубѣ красили яйца въ ситцевыхъ лоскуткахъ старыхъ матросскихъ рубахъ и складывали ихъ на столѣ. Матросы-красильщики, видимо, съ увлеченіемъ занимались этимъ дѣломъ. Около нихъ толпились кучи молодыхъ матросовъ, и раздавались веселыя замѣчанія:

— Ровно бабы на деревнѣ яйца красите!

— И впрямь бабы!

Съ меньшимъ любопытствомъ смотрѣли матросы, однако въ почтительномъ отдаленіи, чтобъ не разсердить коковъ, какъ они вынимали окорока и куличи, которые уносились тотчасъ же къ баталеру. Коки были въ профессиональномъ азартѣ и, несмотря на Страстную субботу, ругались немилосердно, чувствуя себя героями дня, на которыхъ обращено общее вниманіе. Положеніе ихъ было въ самомъ дѣлѣ трудное. Благодаря урагану, надо было за одинъ день испечь пропастъ окороковъ и куличей для команды. Какъ тутъ не выругаться!

Чистившій невдалекѣ серебряное кадило, благочестивый Щербаковъ, старый хорошій баковый матросъ и образной, исполнявшій также во время требъ и обязанности дьячка, протяжно вздыхалъ и съ сокрушеніемъ качалъ головой, слыша раздававшуюся въ палубѣ ругань коковъ.

— Грѣховодники... такой день, а они...

— Никакъ имъ нельзя, Тимофенчъ. — заступился за поваровъ стоявшій около вѣстовой ревизоръ, бойкій молодой матросъ съ мѣдной сережкой въ ухѣ.

— Отчего это нельзя?

— Потому въ самомъ полномъ ходу они у самого этого камбуза... Спѣшка... Однихъ куличовъ сколько... Опять же окорока... А левизоръ безпрерывно требуетъ, чтобы все было готово. Сами знаете левизора, какой онъ зубастый... Съ имъ, прямо сказать, и день какой забудешь... И то сказать: надо же къ празднику намъ разговѣться...

— И пустое, однако, ты говоришь, Ефимка...

— То-то не пустое, а побудьте вы сегодня примѣрно замѣсто этихъ самыхъ коковъ...

— Аксюткина послать! — раздался громкій раздраженный голосъ изъ открытой двери каютъ-компании.

— Есть! — крикнулъ въ отвѣтъ Ефимка. — Слышали, какъ зыкнулъ? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Тимофенчу, словно бы въ защиту поваровъ, и побѣжалъ въ каютъ-компанію.

Ревизоръ, довольно вспыльчивый лейтенантъ, былъ сегодня въ самомъ возбужденномъ настроеніи. Капитанъ просилъ, чтобы для матросовъ было устроено обильное розговѣнье, а тутъ, какъ нарочно, три дня нельзя было развести огня въ камбузѣ.

И ревизоръ, желавшій въ точности исполнить капитанское приказаніе, къ тому же и самъ искренно ему сочувствовавшій, такъ какъ понималъ, какъ пріятно матросамъ справить праздникъ какъ слѣдуетъ, цѣлый день суетился, и его сухо-

щавая, маленькая подвижная фигурка то и дѣло мелькала въ палубѣ, направляясь къ камбузу и обратно. Онъ донималъ баталере и коковъ, спрашивая ихъ: «все ли будетъ готово?» и общалъ кокамъ по доллару на водку, если они постараются, и «разнести вдребезги», если что-нибудь будетъ скверно. Нечего и говорить, что коки общали стараться.

Въ свою очередь и мичманъ Коврайскій, мѣсяца два тому назадъ выбранный содержателемъ каютъ-компаніи и, какъ всѣ содержатели, весьма щекотливый къ критическимъ замѣчаніямъ относительно обѣдовъ и ужиновъ и вообще очень самолюбивый человекъ, — намѣревался удивить насъ роскошью и изобиліемъ каютъ-компанейскаго пасхальнаго стола. Разумѣется, онъ держалъ въ строгомъ секретѣ, чѣмъ именно онъ поразитъ насъ, такъ какъ вся живность, взятая изъ Порто-Гранде еще полтора мѣсяца тому назадъ, была давно уже съедена, и мы сидѣли на солонинѣ и консервахъ, нетерпѣливо ожидая «берега», а съ нимъ и свѣжаго мяса.

Правда, на клиперѣ оставался еще въ живыхъ Васька, молодой жирный боровокъ, взятый еще поросенкомъ изъ Кронштадта. Но всѣ содержатели щадили этого любимца команды, выдрессированнаго однимъ изъ матросовъ, татаринномъ Апаркой, когда-то бывшимъ медвѣжьимъ поводыремъ, который очень любилъ своего ученика и велъ дѣло его воспитанія съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и обдуманностью. Этотъ Васька плавалъ съ нами восемь мѣсяцевъ и своей смышленостью и разными штуками доставлялъ на бакѣ матросамъ большое развлеченіе, столь цѣнимое при однообразной судовой жизни, вообще бѣдной удовольствіями. Онъ носилъ поноску, становился на заднія лапы и шелъ за почкой, бѣжалъ на зовъ и каждое утро, когда мыли палубу, терпѣливо выносилъ окачиванье изъ бранспойта и, наперекоръ свиной натурѣ, былъ очень чистоплотень. Когда

Еще наканунѣ совѣщался съ буфетчикомъ...

свистали всѣхъ наверхъ и шла авральная работа, Васька немедленно убирался въ свой маленькій домикъ изъ стараго ящика, устроенный заботливымъ пѣстуномъ и сохранившійся въ большомъ порядкѣ, — и выходилъ лишь когда раздавалась команда: «подвахтенные, внизъ!» При словахъ «боцманъ идетъ!» Васька, при общемъ смѣхѣ матросовъ, со всѣхъ ногъ улепetyивалъ подъ баркасъ, испуганно хрюкая, а когда спрашивали: «хочешь водки?» вертѣлъ куцымъ хвостикомъ и весело хрюкалъ. Одѣтый иногда въ матросскую рубашу, сшитую Апаркой, въ матросской шапкѣ на головѣ, Васька, бывало, давалъ, подъ руководствомъ своего воспитателя, цѣлыя представленія и былъ вообще persona grata на бакѣ, дѣля лавры съ забавной Сонькой. Еще бы! Сколько неподдѣльнаго удовольствія доставлялъ и сколько вызывалъ дружнаго смѣха этотъ смышленный Васька, развлекая матросовъ отъ томительной подчасъ скуки долгихъ переходовъ. Да и не однихъ матросовъ!

Разумѣется, озбоченный устройствомъ пасхальнаго стола, мичманъ

даже и мысленно не рѣшался посягнуть на матросскаго фаворита, и онъ, проплававъ съ нами три года, вернулся на «Голубчикъ» въ Кронштадтъ упитаннымъ и умудреннымъ боровомъ и, по справедливости, поступилъ во владѣніе Апарки.

Несмотря на отсутствіе животныхъ, которыя могли бы быть зарѣзаны, мичманъ не унывалъ и еще наканунѣ тайно о чемъ-то совѣщался съ буфетчикомъ и поваромъ и съ ранняго утра метался, какъ угорѣлый, съ озабоченнымъ и въ то же время побѣдоноснымъ видомъ человѣка, увѣреннаго въ успѣхѣ. Онъ считалъ себя тонкимъ знатокомъ и гурманомъ и, вѣроятно, потому отчаянно надоѣдалъ повару, объясняя ему тайны соусовъ и приправъ, о которыхъ и самъ имѣлъ довольно смутныя понятія. И сегодня онъ разъ десять бѣгалъ къ камбузу, пробовалъ окорокъ, куличи и засматривалъ въ печь, гдѣ готовились сюрпризы, въ видѣ консервированныхъ куропатокъ.

— Ну, а какъ, Егоровъ, насчетъ пасхи? Выходить что-нибудь, братецъ? — озабоченно спрашивалъ толстенькій и румяный молодой мичманъ, возымѣвшій дерзкую мысль сочинить пасху изъ консервированныхъ сливочекъ.

Пожилой рыжий матросъ Егоровъ, давно уже ходившій на судахъ офицерскимъ «кокомъ» и любившій свою профессію главнымъ образомъ, кажется, потому, что большую часть спиртныхъ и винныхъ порцій, дававшихся ему для приправъ, вливалъ въ себя, — съ обычнымъ своимъ невозмутимымъ апломбомъ отвѣчалъ:

— Выйдетъ, ваше благородіе.

— Ты еще не начиналъ?

— Никакъ нѣтъ, еще успѣю... Долго ли!

— Что-жъ ты положишь въ сгущенныя сливки?

— А всего положу, какъ докладывалъ, въ препорціи... Рисовый пурей, значить, изюмъ, миндаля, сахаръ, ванель для духу, и выйдетъ вродѣ будто настоящая пасха... и не узнать... А уборъ на ей будетъ изъ сухихъ фруктовъ.

— Гадости бы какой не вышло? — безпокойно спрашивалъ толстенькій мичманъ, зная хвастовство Егорова.

— Не извольте сумлѣваться, ваше благородіе. Скусная пасха должна выйти. Слава Богу, всякія пасхи дѣлалъ... Отчего ей не выйти?... — прибавилъ Егоровъ съ хладнокровной самоувѣренностью.

И, чтобы отвязаться отъ надоѣдавшаго ему мичмана, Егоровъ съ самымъ свирѣпымъ видомъ началъ двигать кастрюли, стоявшія на плитѣ, а затѣмъ заглянулъ въ духовую печь и сталъ вытаскивать куличи.

II.

Вечеръ былъ прелестный, вѣтеръ не свѣжѣлъ, и потому капитанъ разрѣшилъ въ эту ночь стоять на вахтѣ лишь одному отдѣленію, чтобы большее число матросовъ могло быть у заутрени.

Въ половинѣ двѣнадцатаго нижняя палуба была полна по-праздничному одѣтыми и прифранченными матросами. Впереди, у переборки, отдѣляющей каютъ-компанію отъ жилой палубы, была устроена маленькая походная церковь съ разборнымъ иконостасомъ, и у него, передъ аналоемъ, стоялъ въ траурной епитрахили нашъ батюшка, отецъ іеромонахъ Виталій, и сиплымъ баскомъ, слегка распѣвая, читалъ Страсти Господни. Вблизи отъ него стояли офицеры, во главѣ съ капитаномъ. Всѣ были въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, въ орденахъ и при сабляхъ. Немного поодаль стояли боцмана, подшкиперъ, баталеръ, фельдшеръ, писаря, словомъ, — вся такъ называемая баковая аристократія, разодѣтая въ пухъ и прахъ (особенно «чиновники»), а сзади плотной стѣной толпились матросы.

Въ палубѣ мертвая тишина, и царилъ полумракъ. Нѣсколько свѣчей паникадила передъ большимъ образомъ клипера да съ десятокъ развѣшенныхъ фонарей еле освѣщали серьезные и напряженныя лица матросовъ, съ благоговѣніемъ слушающихъ Евангеліе, хотя и не все понимавшихъ въ его славян-

скомъ текстѣ. Но если они и не все понимали, то, разумѣется, чувствовали величіе страданій и смерти Того, Кто былъ защитникомъ всѣхъ простыхъ, обремененныхъ и трудящихся. А не они ли, именно, эти са-

долгую ихъ морскую службу. И просмоленные шершавыя ихъ руки, безустанно дѣлающія трудное матросское дѣло, складываясь въ трехперстїя, медленно осѣняли ихъ груди широкими, мужицкими крестами.

Христосовались съ батюшкой, потомъ подходили къ командиру.

мые трудящіеся, простые матросы, постоянно подвергавшіеся опасности?...

Словно понимая, что за такихъ простыхъ людей страдалъ Спаситель, они, кротко и умиленно душевно-настроенные, безмолвно молились и, чувствуя подъ собой покачивающуюся палубу, быть можетъ, въ эти минуты поминали въ молитвахъ кровныхъ и близкихъ, оставленныхъ въ далекихъ бѣдныхъ деревушкахъ, все еще дорогихъ сердцамъ матросовъ, несмотря даже на

Батюшка окончилъ чтеніе Евангелїя и вошелъ въ алтарь. Прошло нѣсколько минутъ, какъ изъ открытаго люка прозвучали удары колокола, медленно пробившіе восемь склянокъ, и съ послѣднимъ ударомъ грянулъ выстрѣлъ изъ орудїя. Тотчасъ же палуба освѣтилась сотней зажженныхъ восковыхъ свѣчъ и фонарями. Отецъ Виталій появился въ свѣтлой блестящей ризѣ и въ предшествїи хора пѣвчихъ съ фонарями въ рукахъ двинулся обходить глїперъ въ сопровожденїи капита-

на, офицеровъ и всей команды. Нашъ отличный хоръ пѣлъ: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ въ небесѣхъ», и съ этою пѣсню всѣ поднялись на палубу.

Почъ была чудная, теплая. Клиперъ, слегка накренившись, безшумно шелъ узловъ по семи, и наша процессія медленно двигалась по этому оторванному уголку далекой родины, а ярко мигающія звѣзды, среди которыхъ Южный Крестъ лилъ свой нѣжный свѣтъ, ласково смотрѣли сверху.

Когда обходъ былъ оконченъ, и батюшка, вернувшись съ другой стороны, благословилъ начало заутрени, запѣлъ своимъ сиплымъ, слегка дрожащимъ баскомъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ», хоръ подхватилъ, и вслѣдъ за нимъ подхватили и всѣ матросы радостно и торжественно, съ внезапно просіявшими, улыбенными лицами.

Подхватили и наверху вахтенные, толпившіеся у открытаго люка, и эта радостная пѣснь сотни моряковъ разнеслась и замерла среди тихо шумѣвшаго океана.

Началось богослуженіе.

По случаю великаго праздника, батюшка служилъ не такъ, какъ обыкновенно, торопясь, зная, что морякамъ некогда, а медленно и благолѣпно, такъ что заутреня и обѣдня затянулась до двухъ часовъ, къ крайнему нетерпѣнію мичмановъ и гардемариновъ, уже чувствовавшихъ аппетитъ и жажду, въ виду шампанскаго, обѣщаннаго толстенькимъ мичманомъ.

Наконецъ служба окончена, и началось христосованіе.

Сперва христосовались съ батюшкой, а затѣмъ подходили къ капитану. Всѣ до послѣдняго матроса пѣловались — и не іудинымъ, а хорошимъ поцѣлуемъ — съ этимъ благороднымъ и добрымъ челоуѣкомъ, ни разу не осквернившимъ своихъ рукъ битьемъ и ни разу не позволившимъ наказать матроса розгами. Каждый получалъ отъ капитана по красному яичку изъ большой корзины, стоявшей около него. Затѣмъ христосовались съ офицерами и другъ съ другомъ.

А наверху по всей палубѣ уже были разостланы брезенты для каждой артели, и на каждомъ брезентѣ красовались окорокъ, куличъ и крашенныя яйца, освѣщенные фонарями. На шканцахъ уже стояла ендова съ водкой и при ней, конечно, баталеръ съ ассистентами.

Всѣ шумно высыпали наверху и тамъ продолжали христосоваться. Отецъ Виталій скоро освятилъ всѣ яства и пошелъ освящать пасхальные столы у капитана и въ каютъ-компаніи, гдѣ уже почти всѣ были въ сборѣ.

Наверху просвистали къ водкѣ. Капитанъ первый зачерпнулъ изъ ендовы чарку и сердечно крикнулъ:

— Съ праздникомъ, ребята!

— И васъ также, вашескобродіе! — гаркнули въ отвѣтъ матросы.

Послѣ раздачи водки началось разговѣнье.

Кончилось оно, когда звѣзды погасали и наступилъ предразсвѣтный сумракъ. А на востокъ далекій горизонтъ уже загорался багрянцемъ, предвѣщающимъ близость восхода.

Петька - зайчикъ.

Разсказъ Н. Н. Каразина.

Тихо въ лѣсу подь вечеръ. Горятъ румянцемъ заката заиндивѣвшія вершины березъ, а понизу давно полегли глубокия, синія тѣни...

Треснетъ ли что подь ногою, снѣгъ ли осыпется съ вѣтки, — каждый легкій шумъ слышится ясно, отчетливо, и далеко по лѣсу разносится... Вотъ и теперъ — ворона каркнула гдѣ-то призывно, вонь еще и еще — ей откликнулись другія вороны...

Со всѣхъ сторонъ на зовъ слетаются... Гомонъ поднялся, нарушивъ вечернюю тишину, да какой!.. Что такое случилось, что ихъ встревожило?.. куда слѣзть, крыльями хлопаютъ, — куда слетаются?.. Да вонь куда: — на бѣломъ снѣгу, по сугробамъ, межъ кустами, чуть виднѣется кровавый слѣдокъ, — и ведетъ этотъ слѣдокъ на поляну, а тамъ, какъ-разъ посрединѣ, лежитъ заяцъ подстрѣленный... отъ стрѣлка-то ушелъ, да отъ смерти уйти некуда.

Лежитъ бѣдняга, снѣгъ подь нимъ подпотѣлъ, подмоциль ему шубку насквозь... Лежитъ заяцъ, еле дышитъ и жалобно вокругъ поглядываетъ. А кругомъ сплошь вороны разсѣлись, вплотную къ зайцу подбираются, да шевелится онъ, еще дышитъ и ухомъ поводитъ, несчастный, — ну и страшно голоднымъ разбойникамъ, ждуть терпѣливо, когда покончатся.

Смертельная тоска гложетъ маленькое заячье сердчишко. «И умереть-то не доведется покойно... Пожалуй, еще живого рвать стануть, носами долбить, глаза выключюгъ!» И щуритъ зайченочъ эти плачущіе глазенки... Молить Бога по-своему: «Пошли скорѣе смерть, прекрати непосильныя мученія!»...

Трещать кусты, — раздвигаются; надъ кустами шапка большая, мохнатая колыхается, все ближе да ближе подходит... А вотъ и весь

богатырь появился на опушкѣ поляны. Не великъ богатырь, — аршинъ отъ земли, да грозенъ больно, въ рукахъ эва какую хворостину держать! И говоритъ богатырь самъ, словно съ самимъ собою.

— Что это за крикъ такой воронье подняло? Иду, думаю: что за оказія?.. А оно вонь что. Кшъ, вы, каторжныя!.. Я васъ!

Разлетѣлись вороны въ стороны, да не очень далеко. Напугалъ ихъ богатырь-малышъ, а зайца вдвое. «Ну, — думаетъ заяцъ, — теперъ ужъ совсѣмъ конецъ пришелъ... намолить Господа...»

Словно мертвый прикинулся — и духъ затаилъ, а богатырь-то подошелъ вплотную, забралъ зайца да за пазуху въ теплый тулупъ зачихнулъ.

— Не бось! Сиди смирно! Не сѣмъ! Зайца только господа ѣдятъ; наши не стануть... Да лежи ты, не рвись!.. Говорять тебѣ толкомъ: не сѣмъ! не понимаешь, что-ли?

А зайцу, да еще до смерти напуганному, гдѣ же понять рѣчь человѣческую. Сообразилъ только, что ему тепло стало и страшныхъ воронъ не слышать больше. Каркаютъ гдѣ-то, — только далеко, сквозь полушубокъ еле слышится...

Тепло стало — пригрѣло, значить спать надо... задремалъ длинноухій, да такъ сонный и былъ водворенъ въ новое жилище.

Уже и смѣялся же старый лѣсникъ Данило, когда сынишка его Петька домой съ добычею вернулся да началъ ее къ мѣсту пристраивать.

— Самъ поймалъ, что-ли? Не хуже Шарика, или моего Валетки! Экій ты парень, какъ я погляжу, пряткій!..

— Нешто я собака, чтобы зайцевъ ловить!.. Отъ воронъ отбилъ, онъ вишь стрѣленный!.. Ихъ-то, воронъ этихъ, страсть что набралось, видимо-невидимо!.. А я-то

одинъ!.. Я ихъ прутомъ пугнулъ... что ихъ баловать?

— Ай да молодецъ! Ну-ка клади его въ кошелку, суй подъ лавку, да гляди — какъ бы собаки не пронохали...

— Не смѣютъ!..

Устроили зайца покойно, тепло и привольно. Молочкомъ нанюжили, корешокъ морковки подложили подъ самую мордочку, а на всякій случай корзину тряпкою сверху обвязали.

И сталъ зайчишка поправляться на новосельѣ. Недѣли двѣ прошло, лапка зажила, самъ потолстѣлъ, шубка стала такая мягкая, пушистая...

— Вонъ онъ теперь какой, словно Валетка нашъ, бѣлый, а къ веснѣ, гляди, словно Шарикъ, сѣрымъ станетъ, — говоритъ Данило сыну, а тому очень интересно, какъ это его заяцъ шубку мѣнять будетъ.

«Вотъ, думаешь, подождемъ весны — увидимъ!..»

Полюбился заяцъ Петькѣ; должно быть, и самъ Петька полюбился зайцу, — такъ другъ за дружкою и бѣгаютъ. Друзья стали самые неразлучные, только недолго эта дружба тянулась.

Пришла весна желанная; точно что шубка заячья темнѣть начала, да съ шубкой и мысли заячьи перемѣнились. Надоѣла, знать, бѣгуну тѣснота лѣсниковой избушки. И разъ какъ-то пріотворилъ лѣсникъ оконце — воздуху въ избу впустить лѣсного, свѣжаго, а снѣгъ почти дочиста стаялъ, и на самомъ припекѣ зеленая травка заиграла на солнышкѣ...

Только и видѣли сѣраго! Скокъ на лавку, скокъ на подоконникъ, да черезъ окно во дворъ, да черезъ плетень, да въ кусты... мелькнулъ разокъ подальше — да и сгинулъ.

Думалъ Петька — вернется къ ночи... Погуляетъ и вернется... все-таки въ избѣ и теплѣе и покойнѣе, самъ разсудить долженъ... по разсужденію зайца вышло совсѣмъ не Петькино. Такъ своего друга нашъ Петька и не видалъ больше. Попадались зайцы, только все другіе — дикіе, бродячіе, — а этотъ, ну

вотъ словно сквозь землю провалился.

Заскучалъ мальчикъ, загорюнился, а старикъ Данило говорить:

— Чего плачешь? Ты вотъ его отъ смерти спасъ, выходилъ, на ноги поставилъ... въ батраки что-ли себѣ прочилъ? корысть какую имѣлъ что-ли? Зайцу воля нужна; ему эта воля самая отъ Бога предназначена, ну ты и не препятствуй. Онъ тебѣ за эту волю и нивѣсть что отъ Бога вымолить.

— Ладно! — отмахнулся рукою Петька. — Убѣгъ, такъ убѣгъ! Ну, его... — хотѣлъ сказать было «къ лѣшему», да опомнился во-время, застыдился такого помышления и докончилъ какъ слѣдуетъ: — Господь съ нимъ! пушай гуляетъ! Мнѣ не надо!.. Не жалко даже, ни чуточку...

А самому-то очень жалко было ушастаго дружка, да не ревѣтъ же ему, мужику, отцовскому помощнику, какъ бабѣ, — вонъ хоть бы какъ Арина-солдатка, когда письмо принесли, что ее сына въ Туретчинѣ, на войнѣ, на-смерть забили...

Заяцъ ушелъ — не бѣда; а на-стоящая бѣда подстерегала уже

обитателей лѣсниковой сторожки... Да такая бѣда горькая, что даже самъ Данило безнадежно опустил свою голову...

Занемогъ Петька. Бродилъ онъ далеко отъ избы, примѣчалъ все, какъ птицъ весной прибываетъ да прибываетъ, какъ всѣ онѣ гнѣзда строятъ, къ пѣнію разноголосому прислушивался, заглядѣлся, должно быть, что тамъ наверху творится, и прозѣвалъ у себя подъ ногами, попалъ въ яму съ водою, да съ головою въ ней окунулся... А вода-то холодная, прехолодная, да и на дворѣ было не тепло, вѣтрено. Испугался мальчикъ, да скоро оправился, сталъ барахтаться, за корни руками цѣплялся, бился-бился, а все-таки выбрался, усталъ, сѣлъ, а идти не можетъ; былъ онъ въ своемъ полушубкѣ зимнемъ, тотъ насквозь промокъ, а Петькѣ не догадаться снять его съ плечъ да бросить.

И такъ холодно стало, зубъ на зубъ не попадаетъ, а сниметъ шуенку, думаетъ, еще холоднѣе станетъ. Посидѣлъ, опомнился, домой побрелъ. Бойтся, что батька ругать начнетъ, не торопится, чѣмъ ближе къ дому, шаги замедляетъ. Шелъ, шелъ, все отдыхать присаживался, а какъ до избы дошелъ — самъ не помнить. На бѣду еще отца дома не было; помочь ребенку, какъ слѣдуетъ, было некому. Пришелъ лѣсникъ подъ вечеръ, — не узналъ даже Петьку: такой страшный сталъ, посинѣлый, безпамятный. Насилу добился отецъ толкомъ, — что случилось.

Ну, конечно, снялъ съ него сейчасъ же всю одежду мокрую, натеръ всего водкою, печку растопилъ, на припечку уложилъ Петьку, покрылъ съ головою своею сухою шубою и сталъ въ горшкѣ мяту лѣсную парить, чтобы отпоить больного горяченькимъ.

Все бы это хорошо было, если бы во-время, а то опоздали отцовскія заботы. Простоналъ, прометался Петька всю ночь, а къ утру смолкъ, успокоился.

Думалъ отецъ, не померъ ли — нѣтъ, пока живъ, слава Тебѣ Владычица Небесная!.. Только такъ плохо, что все равно помереть скоро надо — не выжить.

Метнулся лѣсникъ на деревню за знающими людьми, — привелъ унтера Назарыча, грамотнаго человѣка, знающаго; привелъ Арину-знахарку. Набѣжали еще бабы, изъ любопытства больше... Собрались всѣ у Петькиной постели, причитаютъ жалобно, и всякая свое средство совѣтуетъ.

Всѣхъ слушался горемычный Данило-лѣсникъ, все пробовалъ... Только Назарычъ сказалъ ему:

— Брось... гони ихъ всѣхъ помеломъ, лѣкарокъ этихъ, а то онѣ и живого, здороваго уморятъ, а надѣйся больше на волю Божію — на Его святую милость... потому, кромѣ Бога, никто твоему Петькѣ не поможетъ. У него, вишь ты, огневица, скоропалительная...

Не понялъ Данило, что за слово страшное сказалъ знающій унтеръ. Сообразилъ только, что дѣло плохо. Коротать ему остальной вѣкъ свой одинокимъ бобылемъ, безъ Петьки, значить безъ всякихъ надеждъ на будущее, безъ любви, безъ радостей, — и разревлъ старый Данило на всю избу, даже Шарикъ съ Валеткою взвыли по-своему.

— Молись Господу!.. — еще разъ внушительно замѣтилъ Назарычъ и добавилъ: — Я, слышь ты, пойду домой и гробикъ твоему мальчику сколочу и выкрашу, какъ разъ готовъ ко времени будетъ — либо сегодня въ ночь, либо завтра къ вечеру, — больше ему не прожить. Дѣло вѣрное!..

— Что-жь, постарайся для младенца, — махнулъ рукою Данило.

Хочеть онъ удержатъ свой плачь, да не можетъ, все всхлипываетъ.

Прошла ночь... другая подошла... хуже да хуже ребенку, а къ полуночи кончатся началъ... тяжело такъ урывками дышитъ... воздухъ немного забираетъ, а ротъ широко разѣваетъ.

— Словно рыбка... — замѣтила бабушка Арина... — вотъ словно окунекъ, когда ежели на берегъ выволочать.

Положили Петьку подъ образа и свѣчку восковую зажгли у изголовья...

Сталь читать по книжкѣ Данило отходную... присѣла въ уголокъ, за печкою, бабушка Арина... собаки на дворѣ все воютъ да воютъ...

— Къ покойнику... — шепчетъ глупая баба.

Наступила полночь.

У Данилы строки путаются, слова мѣшаются, глаза подернуло туманомъ — шибко, не удержиимо дремлется... Похрапываетъ Арина въ своемъ уголкѣ... Лежитъ Петька, не дышитъ будто, не шелохнется, глазки закрытые — глубоко провалились, самъ словно воскъ сталъ... не слышитъ даже, что таракашекъ по его личику ползаетъ.

Догорѣла свѣчка, затрещала легонько и погасла... Темно стало въ избѣ... Всѣ заснули, даже собаки выть перестали... только вѣтеръ въ трубѣ гудитъ уныло, словно далекий монастырскій колоколь.

И чудится Петькѣ, что лежитъ онъ не здѣсь, не въ избѣ подъ образами, а въ глубокомъ снѣгу, на лѣсной полянѣ... болитъ у него ножка подстрѣленная, шубенка насквозь промокла, самъ весь избить... все болитъ, все ломить и ноетъ, силъ нѣтъ подняться... а кругомъ все вороны обѣли, да страшныя такія, черныя, глаза горятъ, какъ уголья — все ближе да ближе къ нему подбираются. Лежитъ Петька, безильный, безпомощный, и Бога молить, по-своему дѣтскому разумнѣю: «Спаси меня, помилуй, Боже милостивый! — пошли смерть

скорѣе, чтобы вороны живого еще не расклевали!»

Гудитъ по лѣсу, трещать, ломаются кусты заиндивѣвшіе, а надъ кустами большая, мохнатая шапка колышется, все ближе да ближе подходитъ.

А вотъ и весь богатырь на полянѣ появился... Не великъ богатырь, да грозенъ больно, въ рукахъ эва какую хворостину держитъ, руки у него не руки, а лапки заячьи, и мордочка заячья, даже длинныя ушки изъ-подъ шапки топорчатся.

— «Кшъ! Вы проклятыя!»... — кричитъ богатырь на воронъ... вороны въ стороны отъ него... прочь полетѣли.

Подошелъ богатырь къ Петькѣ, забралъ его обѣими руками да за пазуху.

Тепло стало Петькѣ за пазухой, а тепло, значить спать надо... и боль вся нивѣсть куда пропала... и вороны не слышны больше, не пугаютъ своимъ зловѣщимъ карканьемъ...

Крѣпко спалъ Данило, отецъ горемычный, крѣпко разоспалась Арина-солдатка... Солнечный лучъ ярко блеснулъ въ избенное оконце, и вся изба озарилась золотистымъ свѣтомъ... Очнулись старики, къ Петькѣ метнулись, — померь, знать, похолодѣлъ уже, — а Петька сидитъ на лавкѣ, глаза у него свѣтло такъ, радостно смотрятъ, самъ улыбается... и говорить имъ:

— А меня ночью чуть вороны живого не заклевали... У меня ножку подстрѣлили... бѣда была просто, да меня зайчикъ выручилъ: воронъ хворостиною пугнулъ, меня за пазуху положилъ и сюда принесъ. Батько! Мнѣ очень кушать хочется...

И невдомекъ мальчику, почему старики смотрятъ на него какъ-то особенно, а потомъ передъ образами ничкомъ оба повалились...

Сообразили оба, какой такой зайчикъ спасъ отъ смерти неминучей больного мальчика.

— Слава Тебѣ, Создателю Многомилостивому!

И пошелъ по всей окрестности нашъ Петька называться не просто Петька, а «Петька-зайчикъ»... Только выростъ, когда здоровымъ мужи-

комъ стать, начали его величать — Петра Данилычъ Зайчиковъ.

Тѣмъ и увѣковѣчена была память свершившагося событія.

Это было давно.

Разсказъ Софіи Борткевичъ.

— Тетя Маша, разскажи сказочку, — тянули хоромъ малыши.

— Нѣтъ, не сказочку, а лучше настоящую исторію, не выдуманную...

— Ну, ладно, сидите смирно, разскажу вамъ одинъ пасхальный случай, а былъ это, или сказка — вы ужъ сами разберитесь.

— Давно это было, лѣтъ 40 назадъ... Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, что Россіей прозывалось, на берегу красавицы Невы, стоялъ чудный городъ Санктъ-Петербургъ. Не было въ томъ городѣ еще ни аэроплановъ, ни автомобилей, ни трамваевъ, ни кино, ни электричества, но дѣтямъ жилось много привольнѣй и веселѣй, чѣмъ сейчасъ. Столько было чудныхъ праздниковъ, начиная съ рождественской елки: тутъ тебѣ и масленица съ катаніемъ на вейкахъ, и балаганы на Марсовомъ полѣ, и Вербный Базаръ въ Гостиномъ Дворѣ! А Пасха! Сколько радости въ этомъ свѣтломъ весеннемъ праздникѣ и приготовленіяхъ къ нему! Въ то время не было еще въ Россіи новыхъ стилей, и для всѣхъ христіанъ одновременно звонили и перекликались колокола и торжественнымъ благовѣстомъ звали похристосоваться другъ съ дру-

гомъ. Только въ семьѣ Лариныхъ не замѣтно было предпраздничной суеты, хотя уже шла Страстная недѣля. Скучно въ ихъ богатой, большой квартирѣ, блистающей чистотой; не слышно серебристаго дѣтскаго смѣха, хотя у нихъ семилѣтняя дочка Муся. Двухъ старшихъ дѣтей унесла скарлатина, и, изъ боязни потерять единственную Мусю, мать устроила изъ своей квартиры недосягаемую крѣпость, чтобы охранить Мусю отъ заразныхъ болѣзней и простуды. Самъ Ларинъ, докторъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, не принималъ больныхъ у себя на дому, не смѣлъ заходить въ дѣтскую иначе, какъ въ бѣломъ халатѣ. Всѣ семь лѣтъ при дѣвчонкѣ жила спокойная, солидная англичанка, исполнявшая съ точностью машины всѣ требованія Лариной: сама убирала дѣтскую, играла съ Мусей въ куклы, водила ее на прогулку, только по набережной, слѣдя за тѣмъ, чтобы близко не подходили дѣти, сохрани Богъ, грязныя, или нищіе. И росла дѣвчонка, какъ искусственно выращенный въ оранжереѣ цвѣтокъ, не впитавшій прелести отъ яркаго солнца и вѣтра полей. Взятая изъ пріюта глуповатая, но добродушная Ксюша, служившая горничной въ до-

мѣ нѣсколько лѣтъ, не могла при-
выкнуть къ тюремнымъ порядкамъ
своей барыни и осуждала ее на
кухнѣ.

— Подумайте, Аннушка, — гово-
рила она поступившей недавно на
мѣсто кухаркѣ, — вы годъ прожи-
вете, въ глаза барышню не увидите.
Кухарку, что до вась служила, ба-
рыня въ одинъ моментъ уволила
за то, что къ ней изъ деревни кума
съ крестникомъ пріѣхала и въ го-
сти ребенка привела. Послѣ того
кухню и людскую чѣмъ-то воню-
чимъ кропили и барышню три дня
градусникомъ мѣряли. Потѣха!

— Что-жъ барыня такъ побрезго-
вала кухаркинымъ крестникомъ,
больной онъ что-ль оказался? —
спросила озлобленная Аннушка.

— Нѣтъ, здоровенькій, да вѣдь
барыня всѣми брезгуетъ, даже ба-
риномъ. Въ кладовкѣ около ван-
ной ношенное бѣлье барышни въ
стѣльной корзинкѣ сохраняется,
покуда я его не помою въ особой
лоханкѣ.

— Ну, значитъ, надо другое мѣ-
сто подыскивать, тутъ не удер-
жишься, — проворчала сквозь зу-
бы кухарка.

Въ Чистый четвергъ случилось
необычайное событіе: миссъ полу-
чила телеграмму изъ Англии, что ея
мать при смерти. Начались спѣш-
ные сборы. Ларина положительно
растерялась: за всѣ семь лѣтъ
миссъ ни на одинъ часъ не оставля-
ла домъ, а тутъ подходятъ праздни-
ки съ визитерами, духовенствомъ,
нужно отъ нихъ спрятать Мусю,
они могутъ принести заразу, а кто
за ней присмотритъ?

Послѣ отъѣзда миссъ, Ларина
перешла на ночь въ дѣтскую. Тре-
возно вскакивала, чтобы посмо-
трѣть, спокойно-ли спитъ дочка, не
раскрылось-ли одѣяльце, подолгу
стояла надъ ея кроватью, а въ
комнатѣ было свѣжо, и простуди-
лась сама. Пуще болѣзни ее угне-
тало, что она можетъ заразить Му-
сю. Мужъ-докторъ уложилъ боль-
ную въ постель, а Мусю поручилъ
заботамъ Ксюши.

— Баринъ, позвольте барышнѣ со
мною на кухнѣ посидѣть, тамъ такъ

чисто у насъ, какъ въ комнатахъ.
Мы будемъ яйца красить, пасху
тереть, миндаль чистить, а барыш-
ня смотрѣть будетъ... — неувѣрен-
но попросила Ксюша.

Ларинъ, немного подумавъ, по-
зволилъ. Сіяющая Ксюша подхва-
тила Мусю на руки, внесла въ кух-
ню и посадила на столъ.

— Новые порядки, Аннушка, изъ-
лѣтна барышню вырвала! Никто
какъ Богъ казни египетскія на ея
сторожихъ напустилъ и ребенка на
Свѣтлый праздникъ вызволилъ!

Муся первыя минуты сидѣла ти-
хо, осматривая свѣтлую комнату,
выкрашенную бѣлой масляной
краской, съ рядомъ полокъ по
стѣнамъ, на которыхъ горѣли ярко
вычищенные мѣдныя кастрюли,
самовары и другія мудреныя ма-
шинки. Но когда Ксюша присту-
пила къ краскѣ яицъ, Муся такъ
заинтересовалась этимъ диковин-
нымъ дѣломъ, что забыла все окру-
жающее. Зашедшій на минутку
Ларинъ засталъ Мусю за работой:
она розовая, улыбающаяся водила
кисточкой по яйцу, отъ усердія да-
же язычокъ высунула.

— Не забудьте во-время накор-
мить ребенка; къ барышѣ безъ звон-
ка не ходите; я вернусь черезъ два
часа, — распорядился Ларинъ, ла-
сково потрепавъ по головкѣ дочку.

Быстро, весело летѣло для Муси
время. Она только что кончила тутъ
же въ кухнѣ обѣдать, какъ вдругъ
кто-то сильно рванулъ входную
дверь съ лѣстницы, и, не успѣли
прислуги опомниться, какъ въ ку-
хню вбѣжалъ грязный, весь въ лох-
мотьяхъ худенькій мальчикъ.

Кухарка въ испугѣ посмотрѣла
на оборвыша и сердито закричала
на него:

— Какъ ты смѣлъ, я жъ тебѣ на-
строга запретила! Вѣдь если бары-
ня узнаетъ, меня выгонитъ, жизни
ты моей погубитель!

— Мамка, спрячь меня, хозяйнѣ
за мной гонитъ, грозился, что
убьетъ: я кусокъ кожи испортилъ;
билъ онъ меня ремнемъ съ пряж-
кой, я вырвался и убѣгъ, а онъ за
мною...

— Куда же я тебя, сынокъ, спрячу... сдала я тебя ему на пять лѣтъ въ обученіе, бумагу подписала и, если сбѣжишь, должна ему по условію, значить, за твое содержаніе по 300 рублей за каждый годъ платить! Гдѣ я деньги возьму? Вижу, что ты несчастный, да что могу сдѣлать? Терпи, Митька, какъ Христось терпѣль!

— Не могу, мамка, голодный я, избитый, — показаль мальчикъ на просвѣчивавшее сквозь прорѣхи рваного пальто исполосованное тѣло.

Ксюша, забывъ приличіе, вытерла своимъ передникомъ носъ, въ которомъ отъ жалости зацципало. Изъ глазъ Муси капали горошинки — ей жаль было мальчика, главнымъ образомъ, за то, что онъ такой грязный, хуже сказочнаго Степкирастрепки, который никогда не мылся.

— Иди, Митька, не то хозяинъ съ полиціей за тобой придетъ, хуже тогда осатанѣеть, стерпи ужъ, а то и за кожу меня заставитъ платить, иди! — торопила кухарка.

— Пусть сначала поѣсть, поспѣетъ еще на порку, — сказала Ксюша, поставивъ около дверей на табуретъ миску съ винегретомъ и ломоть хлѣба.

Митька жадно ѣлъ, сидя на полу, прислушиваясь къ звукамъ на лѣстницѣ.

— Мамка! идетъ, хозяинъ идетъ! спрячь, Христа ради! — заметался по кухнѣ перепуганный Митька.

Но мать одурѣло застыла, не зная, чѣмъ помочь сыну. Выручила Ксюша: вытолкнула Митьку въ коридоръ, шепнувъ на ходу:

— Бѣги прямо черезъ парадный, а я тѣмъ часомъ твоего хозяина здѣсь задержу и за тебя попрошу. А вы, барышня, минуточку однѣ побудьте, я скоро за вами приду, — сказала Ксюша, отводя ее въ дѣтскую.

Оставшись одна, Муся выглянула въ коридоръ: оборвышь все еще стоялъ около закрытыхъ кухонныхъ дверей. Она потихоньку подошла къ нему и потянула за руку:

— Какой ты грязный. Пойдемъ въ уборную, тамъ есть теплая вода, дѣти должны мыться! — подражая своей миссъ, наставительно сказала Муся.

— А тамъ есть гдѣ спрятаться?

— Не знаю; ни я, ни миссъ тамъ никогда не прятались.

Пришли въ ванную. Митя повергълся тамъ и не нашель ничего для себя подходящаго, но сосѣдняя коморка, гдѣ стояли корзины съ бѣльемъ для стирки, его удовлетворила: быстро снялъ свои лохмотья, спряталъ ихъ въ одну корзину, а самъ влѣзъ въ другую и попросилъ Мусю сверху хорошенько забросать его бѣльемъ.

— Слушай, дѣвочка, не говори никому, гдѣ я уместился, — пусть думаютъ, что ушелъ по парадной. Теперь уходи скорѣй, а ночью принеси чего поѣсть, если раздобудешь.

Муся сидѣла въ дѣтской и ломала головку надъ цѣлымъ рядомъ трудныхъ вопросовъ: что нужно сдѣлать съ грязнымъ Митькой? Посмотрѣла картинки въ знакомой книжкѣ: Степку сперва вымыли, потомъ причесали, ногти постригли и, наконецъ, одѣли. Достала свою губку, мыло, гребенку и помаду, сложила все въ одно мѣсто. Одѣтъ во что? Собственныя вещи такъ малы, не годятся. Попробовала открыть комодъ миссъ, оказался незапертымъ; нашла чулки, ночную рубашку съ рукавами, панталоны и вязаную юбку. Только успѣла собрать вещи въ узелокъ и спрятать подъ диванчикъ, какъ за ней пришла Ксюша.

— Ну, слава Богу, уладила все, обѣщаль для праздника не бить мальчонку. А гдѣ онъ? Домой, небось, побѣжалъ бѣдняга? Ну, и духъ отъ него здоровый, даже въ комнатахъ сапожнымъ клеемъ пропахло. Надо провѣтрить все, а на ночь ванночку сдѣлаю, тебя помою.

Праздничное возбужденіе изъ кухни словно кто вымелъ. Заплаканная Аннушка бросила стряпню и съ мокрымъ полотенцемъ на голо-

въ лежала у себя въ комнатѣ. Ксюша ее укоряла:

— Нехорошо, Аннушка, — обманули барыню, что вы одинокая. А вдругъ, спаси Богъ, барышня съ испугу заболѣетъ, что тогда?

Наступилъ вечеръ. Ларинъ видѣлъ, что въ болѣзни жены нѣтъ

и въ рубашонкѣ, безшумно, какъ мышка, скользнула къ Митькѣ въ кладовку.

Въ окно ванной свѣтитъ луна и освѣщаетъ копошащихся около умывальника дѣтей. Муся влѣзла на стулъ, пыхтитъ и намыливаетъ склоненную надъ краномъ Митьки-

Изъ альбома русскихъ художниковъ.

Мечтатель. Картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго.

ничего серьезнаго, но нарочно держалъ ее въ постели, питая надежду, что временная передышка отъ строгой опеки принесетъ пользу и нервной матери, и ребенку. Къ десяти часамъ весь домъ затихъ. Въ дѣтской, при свѣтѣ лампадки, Муся сидѣла на кроваткѣ и прислушивалась. До спальни родителей далеко, — три закрытыхъ двери и коридоръ; а Ксюша сразу заснула — сладко храпитъ, открывъ ротъ. Дѣвочка быстро влѣзла въ теплыя туфельки

ну голову. Неумѣлые пальчики въ первый разъ справляются съ такой работой, но Митька тоже помогаетъ, скребетъ, что есть мочи, и дѣло идетъ на ладъ.

Митька вытерся вытащенной изъ корзины простыней, посмотрѣлъ на себя въ зеркало и остался ослепленнымъ, повидимому, доволенъ. Прибравъ все въ ванной, одѣваться пошли въ дѣтскую. Митька отдалъ себя въ полное распоряженіе Муси. Она расчесала и напонадила ему во-

лосы, повязала голову полотенцемъ и одѣла на него бѣлье и юбку миссъ. Непривычная работа сморила малютку, она легла въ кровать и мигомъ заснула; а Митька улеталъ припасенные галеты, запивая ихъ молокомъ. Покончивъ съ ѣдой, залѣзъ подъ диванчикъ и крѣпко заснулъ на мягкомъ коврѣ. Давно ему такъ хорошо не спалось и не грезилось.

На слѣдующій день, въ Страстную субботу, Митька съ утра прятался, по указанію заговорщицы Муси, пока Ксюша убирала дѣтскую; а потомъ спокойно залѣзъ опять на старое мѣсто, выжидая событія.

На кухнѣ шло священнодѣйствіе: въ печку поставили куличи и бабы. Аннушка выгнала даже Ксюшу, чтобы нечаянно не «потревожить», не «стрясти» нѣжное сооруженіе изъ тѣста и бѣлковъ. Ксюша съ барининойю раздвигали и приготавливали большой столъ въ столовой. Поправившаяся отъ болѣзни Ларина сидѣла въ сосѣдней гостиной и читала дочкѣ по-англійски трогательную повѣсть — «Хижину дяди Тома». Вдругъ рѣзкій звонокъ нарушилъ семейный покой. Ксюша побѣжала отворять. До слуха Лариной долеталъ грубый мужской голосъ. Смущенная Ксюша вернулась и на вопросъ «кто приходилъ?» односложно отвѣтила «нищій».

— Что же онъ пришелъ съ параднаго и такъ громко разговаривалъ? Пьяный, что-ли? — спросила Ларина.

— Да, — отвѣтила Ксюша, съ гротомъ роняя блюдо.

— Что съ вами, Ксюша?

— Барыня, голубушка, простите меня, лгунью безобвѣстную, скрыла бѣду вчерашнюю, думала обойдется хорошо, а вышло несчастье: пропала душенька христіанская!

— Кто пропалъ?

— Кухаркинъ сынишка вчерась отъ хозяина-сапожника спасался — онъ его закупилъ у Аннушки по контракту, — просилъ спрятать, а потомъ отъ насъ по парадной ушелъ и не иначе, какъ въ Неву кинулся... Сейчасъ тотъ сапожникъ прихо-

дитъ, — до сей поры мальчишка домой не вернулся. Пропалъ! — сквозь слезы поясняла Ксюша.

Позвали кухарку. Узнавъ, что Митька не возвращался къ хозяину, Аннушка заголосила, ударяя себя кулаками въ грудь:

— Продала въ неволю за триста рублей по контракту, погубила душеньку, убійца я сыночка своего несчастнаго!

У Лариной, узнавшей, что Муся была вчера на кухнѣ, сдѣлался нервный припадокъ, около нея суетилась плачущая Ксюша.

— Перестаньте голосить и говорить вздоръ! — раздался голосъ Ларина. — Теперь нѣтъ ни неволи, ни крѣпостныхъ, ни рабовъ, покупать дѣтей нельзя ни по какимъ контрактамъ. Если вашъ Митька живъ, бѣду легко поправить: я обращусь въ полицію, попрошу поискать по ночлежкамъ, вѣрнѣе всего, что мальчишка тамъ прячется, и его вернуть матери.

Въ подявшейся кутерьмѣ всѣ забыли про Мусю, между тѣмъ она, вся дрожа отъ волненія, готовилась къ выступленію. При послѣднихъ словахъ Ларина, она соскользнула съ кресла, подбѣжала къ отцу и, притянувъ его къ себѣ за шею, шепнула на ухо:

— Папочка! А если Митька живъ, ты не отдашь его хозяину черныхъ невольниковъ?

— Нѣтъ, моя птичка, тебѣ одной отдамъ, а ты дѣлай съ нимъ, что хочешь! — пошутилъ тотъ, ласково улыбаясь своей любимицѣ.

— Я сейчасъ приведу его! — радостно крикнула Муся, убѣгая изъ комнаты.

Ларинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Черезъ минуту въ дверяхъ показалась Муся, волоча за руку пугливую упирившагося Митьку въ фантастическомъ нарядѣ. Увидѣвъ мальчишка въ полосатой вязаной юбкѣ, женской кофтѣ, съ яркимъ, кокетливымъ бантомъ въ волосахъ (бантъ былъ созданъ Мусей сегодня) Ларинъ разразился такимъ веселымъ хохотомъ, что плачущія женщины, какъ по командѣ, перестали причи-

тывать и усталились на дѣтей, какъ на привидѣніе.

Первой пришла въ себя Аннушка и бросилась цѣловать найденнаго сына и Мусю.

Ларинъ, обнявъ жену за талію, въ чемъ-то убѣждалъ ее по-англійски, но она отрицательно качала головой, не соглашаясь. Аннушка не понимала словъ, но чувствовала, что разговоръ касается ея Митьки. Материнскій инстинктъ подсказалъ ей хорошія слова. Она положила одну руку на голову сына, другую на плечо Муси, подняла глаза на образъ и сказала:

— Милая барыня! Владычица съ высоты Престола видитъ мое материнское горе, и, если вы поможете въ сиротской долѣ моему мальчонкѣ, сторицею воздастся вамъ за это на ребенкѣ вашемъ!

Эти простыя слова, сказанныя проникновеннымъ тономъ въ канунъ Воскресенія Великаго Страдальца за грѣхи человечества, заставили задуматься Ларину. Послѣ паузы, порѣшивъ что-то въ своемъ сердцѣ, она поманила къ себѣ Митьку и ласково погладила его по лобѣ.

— Послѣднее препятствіе рухнуло, получай своего Митьку! — весело заключилъ отецъ благопріятно разрѣшившуюся сценку и толкнулъ къ Мусѣ повеселѣвшаго мальчика. — Только сними ты съ него бантъ, пожалуйста, вѣдь онъ мужчина!

— Вообще намъ нужно поскорѣй заняться сго туалетомъ, а то онъ тутъ всѣхъ перепугаетъ, — добавила пришедшая уже въ равновѣсіе Ларина.

— Батюшки, а куличи-то мои! — завопила Аннушка и бросилась на кухню.

— Аіі да, барышня, молодець! Когда же ты его, чумазаго, отмыла такъ чисто? — спрашивала сіяющая Ксюша.

Черезъ полчаса всѣ были заняты кипучей работой. Ларинъ дезинфицировалъ корзины съ бѣльемъ, послѣ того, какъ старыя лохмотья Митьки были выбраны оттуда и сожжены. Ларина и Ксюша «стряпали» Митькѣ одежду, а дѣти осторожно катали на полотенцѣ по подушкѣ «тюлевую бабу» подъ наблюдениемъ Аннушки.

Вотъ и конецъ моей сказочкѣ, дѣтки милыя. Я тамъ была, медъ, пиво пила, по губамъ текло, а въ ротъ не попало... — закончила тетя Маша.

Дѣти продолжали тихо сидѣть, что-то обдумывая.

— Тетя Маша, а что потомъ было съ Митькой и Мусей, ты не знаешь? — раздался голосокъ.

— Знаю. Митя остался жить у Лариныхъ, кончилъ гимназію, университетъ, сталъ извѣстнымъ адвокатомъ, постоянно помогавшимъ деньгами и совѣтами бѣднотѣ. У Лариныхъ было потомъ еще нѣсколько дѣтей, но мать излѣчилась отъ болѣзни видѣть во всемъ заразу и не мучила ихъ уже больше дезинфекціями и градусниками. Когда Муся выросла, она вышла замужъ за Митю и живетъ съ нимъ очень счастливо.

— Стой, стой, тетя Маша... я угадалъ: это была не сказка — Муся, это — ты, а дядя Дима — тотъ мальчикъ, о которомъ ты рассказала! — закричалъ торжественно одинъ изъ племянниковъ, бросаясь на шею смущенной тетѣ и покрывая ее поцѣлуями.

Глава IV.

У военного министра.

Военный министр собралъ у себя рядъ лицъ, чтобы выслушать послѣднія сообщенія. Съ докладомъ выступилъ начальникъ отдѣла сообщеній:

— Послѣднія наблюденія Луны даютъ слѣдующую картину: на трехъ лунныхъ равнинахъ появились выпуклости и складки на поверхности; затѣмъ появился рядъ трещинъ, увеличивающихся съ каждымъ часомъ. Ясно, что разложение Луны уже началось. Но вотъ что интересно: хотя Луна и приближается къ намъ, какъ это устанавливаетъ Гималайская обсерваторія, ея движеніе замѣтно уменьшается. Приходится допустить лишь одно объясненіе, что Луна уже вошла въ верхніе слои земной атмосферы, и воздухъ задерживаетъ ея скорость своимъ треніемъ. А отсюда можно заключить, что катастрофа произойдетъ скорѣе, чѣмъ мы предполагали.

Затѣмъ, по всѣмъ донесеніямъ, вода усиленно подвигается къ тропикамъ подъ вліяніемъ притяженія Луны, и уровень океана подъ экваторомъ очень повысился за послѣднее время.

Это сообщеніе было прервано полученіемъ весьма тревожнаго извѣстія изъ Абиссиніи: командиръ флота, находящагося у береговъ Абиссиніи, сообщилъ, что абиссинцы потребовали немедленнаго удаленія флота, грозя стрѣлять по проществу 5 минутъ, если флотъ не

послушается. Такъ какъ катастрофа приближается, то абиссинцы просятъ сторожевые суда убраться по-добру, по-здорову.

Разсерженный военный министр вызвалъ къ телефону командира флота, который сообщилъ, что абиссинцы общаются ровно черезъ пять минутъ открыть огонь.

— Что это значитъ — открыть огонь? — спросилъ министр.

— Они хотятъ стрѣлять изъ пушекъ.

— Изъ пушекъ? Что это за штука — пушки?

Тутъ вмѣшался въ разговоръ начальникъ технической части:

— По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о смертоносныхъ орудіяхъ, которыя были въ употребленіи въ древнія времена, когда ссоры между народами рѣшались убійствомъ противниковъ.

— Но откуда же у абиссинцевъ такія опасныя штуки? — спросилъ министр, — вѣдь онѣ уже съ незапамятныхъ временъ запрещены Лигой Націй.

— Навѣрно, они изготовили орудія тайно, — раздалось изъ говорильной пластинки. — Остается двѣ минуты. Что дѣлать?

— Ничего не дѣлайте! — въ бѣшенствѣ закричалъ министр, — они не посмѣютъ стрѣлять!

Ровно черезъ двѣ минуты изъ звуковой пластинки послышалось нѣсколько сильныхъ звуковъ, похожихъ на ударъ, и затѣмъ раздался голосъ командира главнаго судна:

— Абиссинцы стрѣляютъ въ насъ, и сейчасъ снарядъ попалъ въ мор-

чекъ, гораздо красивѣе Сузи и Лили, на спинѣ слона, и горбатыхъ животныхъ, на которыхъ растетъ верблюжья шерсть. У

Это было гораздо красивѣе, чѣмъ послѣдній военный парадъ 4-го іюля. Я остался безъ обѣда, но совсѣмъ забылъ про голодъ, потому что мнѣ хотѣлось видѣть, какъ люди разставляли палатку; а когда я пришелъ домой, то только что успѣлъ съѣсть кусокъ паштета, который оставила для меня Бетти. Она дала мнѣ въ долгъ 10 центовъ на имбирное пирожное для кормленія слона и 5 центовъ на стаканъ лимонаду, и вотъ я полетѣлъ быстрой молніи. Я не думалъ, что произойдетъ со мною, прежде чѣмъ я вернусь домой. Бессъ тоже хотѣла идти вечеромъ — мнѣ не нужно говорить съ кѣмъ. Я спросилъ маму, пойдетъ ли она тоже, но она сказала, что ее это не интересуеть. Странно, какъ это люди могутъ дожить до такой старости, что имъ уже дѣла нѣтъ до того, что въ городъ пріѣхалъ циркъ.

Когда я проходилъ мимо лавки Петерса, мнѣ пришло въ голову купить лотъ краснаго перцу. Онъ могъ мнѣ пригодиться, если придется когда-нибудь помогать дѣлать гуллашъ. Я купилъ также немного печенья для слона и заранѣе пошелъ туда, чтобы еще видѣть звѣрей, прежде чѣмъ начнется циркъ. Ужасно, ужасно смѣшно было смотрѣть, какъ чихали обезьяны. Я чуть не лопнулъ отъ смѣха. Сторожъ сказалъ, что какой-нибудь злой, негодный мальчишкѣ насыпалъ перцу въ ихъ клѣтку, и если онъ поймаетъ его, то выгонитъ и велитъ арестовать.

Онъ былъ ужасно золъ, поэтому я пошелъ къ слонамъ. Я далъ большому кусокъ пирожнаго; онъ только что проглотилъ его, какъ со мною случилось нѣчто — я не зналъ, что мои зубы застучали, точно я игралъ въ кости, и, бумсъ! я полетѣлъ вверхъ до самой верхушки палатки и подумалъ, что теперь пришелъ конецъ маленькому Жоржи, но, по счастью, я упалъ въ телѣгу съ опилками, которыми они посыпаютъ кругъ. Подлый слонъ! развирѣлъ толь-

ко потому, что я прибавилъ чуточку перцу въ его пирожное. Сторожу пришлось порядочно-таки повозиться, прежде чѣмъ онъ его успокоилъ. Онъ погрозилъ мнѣ кулакомъ и сказалъ, что не пожалѣлъ бы, если-бъ я расшибъ себя голову; впрочемъ, она распухла у меня немножко, и я чувствовалъ себя такъ странно, что поскорѣе съѣлъ на свое мѣсто, чтобы ждать, когда начнется представленіе. Мнѣ надоѣло оказывать вниманіе звѣрямъ.

Голова у меня немного болѣла, но у меня было веселое послѣ-обѣда. Представленіе было чудесно, безъ надувательства, а глупый клоунъ великолѣпный.

Кажется, я покраснѣлъ, когда онъ передъ всей публикой показалъ на меня и сказалъ:

— Какое сходство между этимъ маленькимъ мальчикомъ и Іоной?

Конюхъ не могъ отгадать.

— Слонъ выбросилъ его, — сказалъ клоунъ.

Люди засмѣялись, но онъ, должно быть, плохо знаетъ Библію — вѣдь не слонъ же выбросилъ Іону, — но это все равно; мнѣ все-таки было очень весело.

Дрессированный пони былъ восхитителенъ, а когда молодыя дамы прыгали черезъ обручи, по спинѣ моей бѣгали мурашки.

О, какъ я завидовалъ этимъ маленькимъ мальчикамъ, которые кувыркались и становились на голову своего отца. Я жалѣлъ, что мой отецъ не акробатъ. Думаю, что я сумѣлъ бы такъ же хорошо стоять на его головѣ, какъ они, если-бъ только онъ продалъ домъ и поступилъ въ циркъ, но у него нѣтъ никакого честолюбія. Когда я буду большой, я могу самъ выбрать себѣ профессію.

Я не былъ празднымъ, пока они играли; я думалъ: «Не быть больше осмѣяннымъ своимъ роднымъ городомъ, не слышать, какъ разъ сто въ день тебя называютъ злымъ мальчикомъ, не ходить въ школу, не быть выруганнымъ. Я выучусь ремеслу акробата».

Послѣ представленія я пошелъ навѣстить Сусанну. Я надѣялся, что она пригласитъ меня обѣдать.

потому что они живутъ въ гостиницѣ, и рассчитываль, что когда мы пойдемъ къ столу, то я, быть можетъ, увижу нѣкоторыхъ изъ этихъ людей въ трико — но, должно быть, они готовятъ себѣ сами.

Я былъ разочарованъ.

Я сказалъ доктору, что если бы у меня было 50 центовъ, то я бы пошелъ на вечернее представленіе. Но Сузи сказала: «Нѣтъ, довольно и одного раза, а то ты слишкомъ поздно придешь домой».

Я пошатался по гостиницѣ до вечера, пока они не ушли вмѣстѣ съ другими молодыми людьми.

— Ну, Жоржи, дружокъ, теперь бѣги прямо домой, будь хорошимъ мальчикомъ, чтобы мама не беспокоилась, — сказала Сузи.

У меня было еще время. Планъ мой былъ готовъ. Я игралъ на улицѣ съ мальчиками часовъ до девяти, потомъ побѣжалъ къ конюшнѣ гостиницы, прошелъ черезъ нее, вышелъ изъ-за большой палатки, гдѣ стояли всѣ повозки, которые не находились внутри, пролѣзъ въ одну изъ телѣгъ и завернулся въ одѣяло, чтобы меня не замѣтили, легъ и сталъ ждать. Я зналъ, что они уйдутъ въ 2 часа ночи, я слышалъ, какъ люди объ этомъ говорили. Я хотѣлъ, чтобы они взяли меня съ собою; а на другой день, когда они найдутъ меня, я скажу, что я сирота и хочу учиться ихъ ремеслу. Тогда они примутъ меня, а на афишахъ напечатаютъ: «Маленькій Жоржи, дитя-чудо, акробатическіе фокусы котораго превосходятъ все видѣнное».

Должно быть, я заснулъ, хотя очень старался не засыпать. Когда я проснулся, повозка двигалась. Я могъ видѣть, какъ сіяли звѣзды, и мнѣ захотѣлось домой, но я лежалъ спокойно, не желая, чтобы они нашли меня раньше, чѣмъ мы будемъ очень далеко, а то они могли отослать меня назадъ. Я уже не могъ заснуть крѣпко; экипажъ покачивался, а кучеръ ужасно кричалъ на лошадей, когда былъ сердитъ. Потомъ я вдругъ совсѣмъ проснулся, стало свѣтать, и я могъ различать деревья и заборы. Я пошевелился немного, потому что но-

ги мои одеревенѣли, и вотъ что-то зарычало. Сердце мое остановилось, а потомъ вдругъ забилося такъ сильно, что звучало въ моихъ ухахъ словно 1000 громовъ. Я боялся пошевелиться, а ноги мои болѣли ужасно. Немного погодя, я повернулъ голову, быть можетъ, на вершокъ и увидѣлъ льва. Я былъ въ его клѣткѣ. Онъ лежалъ вытянувшись, уткнувшись носомъ въ

Я былъ въ клѣткѣ льва.

лапы, и подмигивалъ мнѣ своими желтыми глазами, какъ будто думалъ, что это недурная шутка. О, мой дневникъ, даже если я буду такъ старъ, какъ Мафусаилъ, никогда не забуду этого страшнаго рычанія. Словами этого не опишешь. И вотъ мы лежали: я, маленький Жоржи, вмѣстѣ со львомъ. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Онъ лежалъ и подмигивалъ мнѣ, какъ будто это была шутка. Я не могъ на него смотрѣть. Когда я дѣлалъ малѣйшее движеніе, — онъ рычалъ. Я онѣмѣлъ отъ ужаса. Я только повторялъ свои молитвы. Я думалъ о мамѣ, о Лили, о Бетти, какъ всѣ онѣ добры ко мнѣ и какъ безбожно было съ моей стороны убѣжать, а левъ все мигалъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Слишкомъ поздно! Тебѣ раньше слѣдовало бы подумать объ этомъ, маленький

Фатальный опыт.

Мой братъ Монтэгу пошелъ и сдѣлалъ забавнѣйшую вещь въ мірѣ: онъ купилъ себѣ бэби! Онъ далъ за него 20 долларовъ, половину цѣны, за которую можно бы купить пони, — глупецъ, — да къ тому же еще дѣвочку. Онъ говоритъ, что если-бъ онъ купилъ мальчика, то послѣдній могъ бы современемъ сдѣлаться такимъ же сквернымъ, какъ маленькій Жоржи, и это правда: довольно и одного злого мальчика въ семьѣ, и съ нимъ уже много дѣла. Но въ послѣднее время я былъ хорошимъ мальчикомъ. Я только одинъ разъ опоздалъ въ школу съ понедѣльника: сегодня среда, и это, конечно, похвально. Я только одинъ разъ на этой недѣлѣ положилъ жабу учителю въ ящикъ; она выскочила, а онъ подпрыгнулъ, какъ будто самъ былъ жаба. Я только два раза сунулъ репейникъ въ волосы Кети; ей пришлось обрѣзать ихъ немножко, чтобы вытасить его. Ей нечего такъ хвастаться своими волосами: маленькія дѣвочки очень легко дѣлаются тщеславными, какъ я слышалъ.

Дядя Самсонъ хотѣлъ переѣхать въ гостиницу, но я такъ исправился, что онъ рѣшилъ остаться пока у насъ. Я всегда ему рассказываю, что говорятъ наши потихоньку, когда хотятъ, чтобы онъ не слышалъ. Ему ужасно хочется узнать, что они говорятъ. Я не могу доставить ему большаго удовольствія, какъ рассказавъ ему, какъ его ругаютъ: «старый скряга», «старый мѣшокъ съ деньгами», «вѣчный жидъ» и т. п. Онъ говоритъ, что я умный парень для моихъ лѣтъ, и что онъ не забудетъ позаботиться обо мнѣ. Онъ все еще беспокоится за свои глаза, потому что стекла Сусанны ему не подходятъ.

Но возвратимся къ бэби, какъ говорится въ книгахъ. Я его видѣлъ — нѣтъ, вотъ-то! Зачѣмъ они не выбрали себѣ по крайней мѣрѣ такое, которое умѣетъ ползать, у котораго есть волосы на головѣ и которое можетъ играть въ шары со своимъ маленькимъ дядей? Это совсѣмъ тупоумный ребенокъ, развѣ что дѣвочка — индианка? Почему они не купили себѣ блага дитяти, чтобы оно прилично выглядѣло, когда вырастетъ? Я спросилъ сестру:

— Къ какому племени принадлежитъ бэби?

Она отвѣчала:

— Вѣроятно къ кикепусамъ.

Такой стыдъ для Гаккетовъ! Вѣроятно, они взяли его, потому что оно было самое дешовое или послѣднее. Лили обниметъ его и цѣлуетъ, какъ будто оно лучшее изъ всѣхъ бэби. Дѣвчонка какъ кузнецикъ зла на меня за то, что я ткнулъ ее булавкой, чтобы убѣдиться, не резиновое ли это бэби.

Лили гоститъ теперь у насъ, чтобы показывать всѣмъ своего ребенка; поэтому я больше бываю на дворѣ: я не люблю дѣтскаго крика, къ тому же скоро 4-ое іюля, и намъ, мальчикамъ, предстоитъ много забавы съ ракетами и тому подобными вещами. Мои два зятя, телеграфный чиновникъ и дядя Самсонъ, даютъ мнѣ достаточно карманныхъ денегъ, такъ что у меня больше ракетъ, чѣмъ у другихъ мальчиковъ, а потому всѣ очень вѣжливы и любезны со мною.

На лугу передъ городской ратушей стоитъ старая пушка. 4-е іюля изъ нея дѣлаютъ 100 выстрѣловъ. У меня, у Чарли и у другихъ мальчиковъ есть кучка пороху, и мы хотимъ устроить нѣчто очень забавное, то, что сдѣлалъ человекъ

въ циркѣ — это будетъ скоро, вѣроятно завтра. Это глубокая тайна, но тебѣ я ее повѣдаю, милый дневникъ. Клоунъ въ циркѣ выстрѣлилъ изъ пушки человѣкомъ... Наша пушка недостаточно велика для взрослого человѣка, но для маленькаго бѣби очень удобна. Мы возьмемъ себѣ Лилино бѣби, потому что оно такое маленькое. Но она не должна этого знать. Мы будемъ ждать, когда стемнѣетъ, и какъ только она положитъ его спать и пойдетъ въ залу, я проскользну туда, заверну его въ одѣяло, снесу внизъ, и мы убѣжимъ. Пушка заряжена дѣлюю кучей пороха и, по крайней мѣрѣ, 20 пулями. Мы взяли кусокъ свинца изъ нашего водопровода, растопили его, и у насъ вышли хорошенькія пули, величиною съ грецкій орѣхъ. Я надѣюсь, что бѣби не будетъ очень больно, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю; человѣкъ, которымъ они выстрѣлили въ циркѣ, ни капельки не пострадалъ. Джимми Браунъ хочетъ достать пуховую перину своей бабушки, чтобы бѣби попало прямо въ нее. Когда мы выстрѣлимъ бѣби изъ пушки, то тотчасъ же отнесемъ его домой, и потомъ мы зажжемъ еще смоляныя бочки — это будетъ чудная забава.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы люди занимались больше своими собственными дѣлами и не мѣшали мальчишкамъ иногда позабавиться. Нашъ планъ былъ исполненъ отлично: мы успѣли вынести бѣби изъ дому и удобно положить его въ пушку. Все было готово, оставалось только поднести фитиль, и я хотѣлъ уже дать сигналъ, какъ мы вдругъ услышали такой страшный крикъ, что можно было подумать, будто кто-нибудь раздавилъ себѣ пальцы, а Монтэю кричалъ:

— Жоржи, Жоржи, остановись!

И вотъ мы видимъ: папа, мама, Сусанна, Лиль, Монтэю, Бетти и кухарка бѣгутъ полнымъ галопомъ, какъ будто спасая свою жизнь. Монтэю выхватываетъ бѣби изъ пушки, Лиль падаетъ въ обморокъ, точно мертвая, а съ Сусанной дѣлается истерика — такой гвалтъ изъ-за маленькаго дрянца, котораго

и покушать не стоило. Впрочемъ, у насъ не было ни малѣйшаго намѣренія причинить ему боль: пуховую перину мы приспособили отлично.

Мнѣ кажется, Бетти была такъ низка, что заглянула въ тебя, мой милый дневникъ, и прочтя то, что я написалъ вчера вечеромъ, она пошла посмотрѣть, тамъ ли бѣби, а когда не нашла его, то подняла на ноги весь домъ. Столько шуму изъ-за ничего. Я теперь не такого хорошаго мнѣнія о Бетти, какъ былъ прежде. Она не имѣла права читать то, что я написалъ, хотя Лили говоритъ, что благословляетъ ее за то, что она это сдѣлала, а то что было бы съ ея милымъ, милымъ бѣби?

Четвертое іюля обѣщаетъ быть очень хлопотливымъ днемъ. Городской совѣтъ будетъ стрѣлять изъ пушекъ и звонить въ колокола, а вечеромъ будетъ пущенъ фейерверкъ въ 500 долларовъ: ракеты, римскія свѣчи, огненные колеса, треугольники. Днемъ будетъ большой пикникъ; въ десять промаршируютъ солдаты, и вмѣстѣ съ ними всѣ общества; будутъ еще другіе сюрпризы, которые выскочатъ, какъ пробки отъ бутылокъ съ шампанскимъ. Я хорошо позабавлюсь. Съ пяти часовъ утра и до полуночи у меня будетъ столько дѣла, сколько у пчелки. Я долженъ былъ торжественно обѣщать папѣ, что я не буду играть съ порохомъ, что на десять шаговъ не подойду къ мальчишкамъ, у которыхъ будутъ пистолеты, и что самъ не буду стрѣлять изъ пистолета. а онъ купилъ мнѣ прекрасный фейерверкъ, кромѣ тѣхъ двухъ пачекъ ракетъ, которые у меня уже есть. Я могу пустить сразу сколько хочу. Мнѣ жаль, что я не смѣю взять пороху; но папа говоритъ, что не желаетъ, чтобы его единственный сынъ потерялъ пальцы, или зрѣніе, что было бы очень непріятно, и это совершенно вѣрно.

Я не смѣю бросать горящихъ лягушекъ на маленькихъ дѣвочекъ, потому что ихъ платье можетъ загорѣться, и онѣ могутъ сгорѣть. Я могу пойти съ ними на пикникъ, но я не могу рѣшить, что мнѣ дѣлать. Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть военный парадъ и маршировать подь

мовую часть; я уйду, если удастся.

Но вскорѣ съ другого судна, уже плывшего прочь отъ опасныхъ мѣстъ, получено было сообщеніе о гибели перваго судна, вмѣстѣ со всей командой и начальникомъ флота.

Такъ возобновилась первая, послѣ долгаго перерыва, война. Министру не оставалось ничего, кромѣ утѣшенія, что абиссинцы получаютъ возмездіе отъ Луны, не имѣя въ распоряженіи спасательныхъ средствъ.

Глава V.

Начало катастрофы.

Въ виду тревожныхъ признаковъ приближенія опасности, Аріостъ, другъ Хлои, получилъ приказаніе военнаго министра приготовить къ отбѣзду лучшій изъ воздушныхъ кораблей — «Фебусъ»; Аріостъ былъ командиромъ этого судна.

Управление «Фебусомъ» было устроено такъ, что лишь Аріостъ зналъ то слово, которое давало возможность открыть замокъ и получить доступъ къ разнымъ кнопкамъ. Однако это слово знала и Хлоя, выпытавшая у Аріоста секретъ.

Итакъ, уже съ ранняго утра голубыя террасы были переполнены толпой, жаждущей узнать послѣднія новости. Тамъ же очутились и оба абиссинца, одѣтые на этотъ разъ въ евразійское платье: правительство опасалось за ихъ безопасность, въ виду возбужденія толпы при извѣстіи о потопленіи абиссинцами правительственнаго корабля.

Въ сторонѣ отъ толпы стояли Хлоя и Сильвія, къ которымъ совершенно неожиданно подошелъ дядя Эней.

— Почему ты, дядя, оставилъ свою обсерваторію въ такой тревожный моментъ? — спросила Хлоя.

— Потому что сплошныя облака совершенно закрыли небо, и я распорядился закрыть обсерваторію и распустить по домамъ всѣхъ служащихъ. Солнце изъ обсерваторіи мы увидимъ лишь послѣ того, какъ Луна сольется съ Землей, и небо прояснится.

— Посмотри, дядя, какъ въ послѣдніе дни упала вода, несмотря на непрерывные дожди. Чѣмъ это можно объяснить?

— Это вѣрный признакъ приближающагося конца. Луна, находясь теперь въ какихъ-нибудь 10.000 километрахъ отъ насъ, стягиваетъ къ экватору всѣ воды океановъ, тому у насъ, въ умѣренномъ климатѣ, и увеличивается пониженіе водяного уровня. Что касается непрерывныхъ ливней, то они показываютъ, что вся ледяная поверхность Луны оторвана отъ нея и падаетъ на Землю въ видѣ дождя, притомъ порядочно нагрѣтаго; при дѣйствіи на нее воздуха Земли получается то сильное треніе, которое обращаетъ ледъ и снѣгъ въ теплую воду.

Интересно и то, что ливни послѣднихъ дней окрашены въ кроваво-красный цвѣтъ: значить, вмѣстѣ со льдомъ и снѣгомъ падаютъ на Землю и всѣ мягкія породы лунной поверхности, такъ что на Лунѣ пока удерживаются лишь каменные горы и твердое нерастворимое въ водѣ ядро, а прочія массы Луны уже сливаются съ Землей.

Тутъ Эней, простившись съ племянницами, поспѣшилъ къ министру для полученія послѣднихъ приказаній.

Хлоя осталась въ задумчивости на мѣстѣ, когда Сильвія, незамѣтно для себя, отошла, и обѣ сестры потеряли другъ друга.

Вдругъ Хлоя вздрогнула отъ неожиданности, увидѣвъ приближающагося къ ней младшаго абиссинца. Инго взялъ ее за руку и, отведя въ уголъ, скрытый отъ толпы, началъ умолять ее помочь спасенію его и Тея. Правительство Евразіи рѣшило задержать обоихъ абиссинцевъ, какъ заложниковъ, а между тѣмъ вполне понятно ихъ желаніе вернуться въ среду близкихъ, чтобы раздѣлить съ ними опасность.

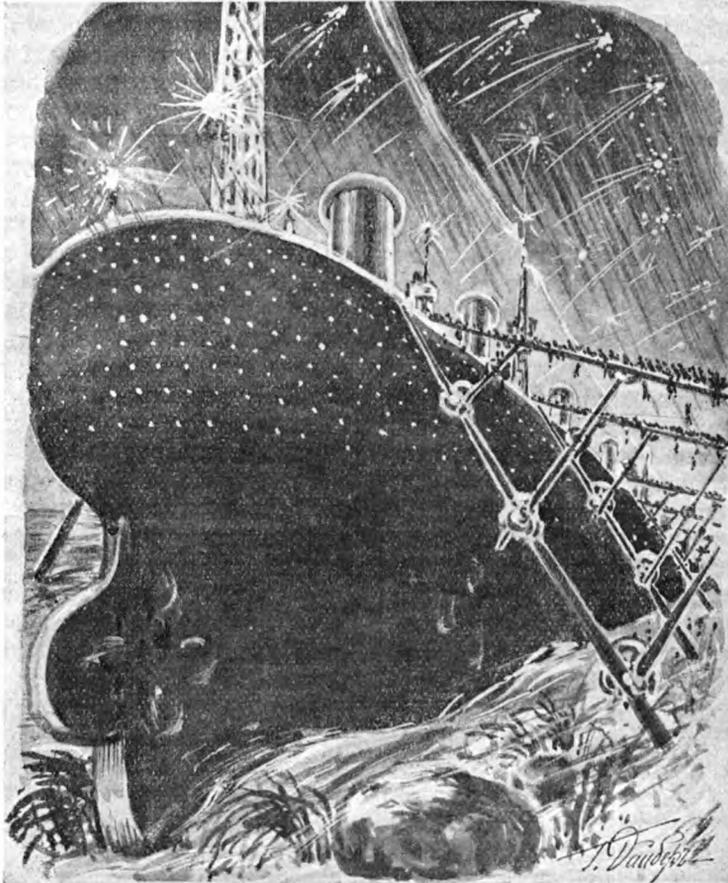
— Намъ необходимо во что бы то ни стало овладѣть хорошимъ летательнымъ аппаратомъ, на которомъ мы могли бы пробраться въ Абиссинію, — сказалъ взволнованный Инго, — а кромѣ тебя мы никого не знаемъ въ этомъ громадномъ горо-

дѣ. Надѣюсь, что чувство благодарности побудитъ тебя, прекрасная дѣвушка, помочь намъ въ этой бѣдѣ.

Эти слова задѣли Хлою до глубины души, и она рѣшила помочь изгнанникамъ, тѣмъ болѣе, что ея сердце уже было отдано младшему

момента, когда по распоряженію президента былъ данъ первый сигналъ для посадки населенія Евразіи на спасательныя суда.

Наблюденія надъ Луной съ Гималайской обсерваторіи обнаружили, что Луна приняла, вмѣсто блага, ярко-красный цвѣтъ; это показыва-

„Косполитана“ — плавучій спасательный городъ.

абиссинцу, и она чувствовала, что не можетъ безъ него жить. И такъ, она обѣщала свое содѣйствіе, назначивъ мѣсто свиданія, когда наступитъ время отъѣзда.

Глава VI.

Девятый валъ землетрясенія.

Много работы выпало на долю Клеопы, министра сообщенія. Съ трудомъ онъ еще держался до того

ло, что весь ледъ уже растворился, превратившись въ воду, и осталось только красное ядро Луны, состоявшее, повидимому, изъ желтовато-краснаго окиснаго желѣза, кажущагося при солнечномъ свѣтѣ кроваво-краснымъ.

Вдругъ получилось новое весьма важное сообщеніе отъ трехъ воздушныхъ судовъ, парившихъ на югѣ Евразіи, подъ тропиками: оказалось, что отъ Луны начали отдѣляться большіе куски минераловъ, падаю-

ще по наклонной плоскости на Землю и уничтожавшие при падении все понадавшееся на их пути. Опасность такъ увеличилась, что министръ сдѣлалъ распоряженіе всѣмъ судамъ немедленно удалиться изъ опасной зоны.

Министръ былъ, впрочемъ, отчасти успокоенъ, получивъ такія извѣстія: значить, онъ былъ правъ, говоря, что Луна не упадетъ всей массой на Землю, а сначала раздѣлится на куски, и эти куски будутъ падать одинъ за другимъ.

Слѣдующія извѣстія подтверждали, что началось новое паденіе уровня воды во всѣхъ моряхъ къ сѣверу и къ югу отъ тропиковъ, т. е. что наступилъ главный періодъ собранія водяныхъ массъ подъ экваторомъ, грозящихъ Землѣ потопомъ, когда притяженіе Луны прекратится.

Наступалъ моментъ посадки на суда въ ожиданіи наводненія, которое очевидно должно залить всю Европю, не исключая и горныхъ вершинъ, и значить спасеніе было возможно лишь на корабляхъ.

Въ предвидѣніи потопа всѣ служащіе обсерваторіи были отпущены, и лишь директоръ наиболѣе возвышенной обсерваторіи на Гималаяхъ заявилъ, что онъ останется на мѣстѣ: высота въ 8000 метр. дѣлала пребываніе тамъ, повидимому, безопаснымъ отъ наводненія.

Дальнѣйшее извѣстіе, весьма странное, поступило изъ Египта: оказалось, что Африканскій материкъ начинаетъ обсыхать; это можно было объяснить лишь тѣмъ, что Луна распалась, и воды уже отхлынули отъ экватора, направляясь къ полюсамъ. Все это означало наступленіе великаго потопа.

Между тѣмъ, въ народѣ начались волненія. Многіе агитаторы стали

доказывать, что надо спасаться не на водѣ, а на вершинахъ горъ, и что даже самыя большія суда могутъ опрокинуться и утонуть, вслѣдствіе необычайныхъ волнъ, которыя принесетъ съ собою потопъ. Поэтому далеко не всѣ садились на спасательныя суда, и въ гаваняхъ скопилось масса нерѣшительныхъ, не знающихъ, что дѣлать; это вызывало опасную давку при посадкѣ.

Правительство рѣшило было пригнать мѣры понужденія, но въ концѣ концовъ предоставило каждому поступать по его желанію, ограничившись предупрежденіями. Былъ назначенъ окончательный срокъ для посадки съ тѣмъ, что дальнѣйшій выпускъ на суда прекращается.

Скоро начали поступать тревожныя свѣдѣнія съ воздушныхъ спасательныхъ станцій изъ Египта. Отхлынувшія отъ экватора воды образовали валъ высотой въ 100 метровъ, который залилъ всю поверхность Земли, затопилъ зданія и опрокинулъ всѣ корабли въ гаваняхъ. Это извѣстіе было передано съ правительственнаго корабля «Суданія», крейсировавшаго въ открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ Египта. Все это произошло такъ неожиданно, что далеко не всѣ жители Египта успѣли спастись, и оказалась первая большая масса погибшихъ отъ потопа.

Министръ Клеопа запросилъ «Суданію» и выяснилъ, что первая стометровая волна является только началомъ, и надо ожидать дальнѣйшаго повышенія ея уровня. Быстро движенія отливной волны — около десяти тысячъ метровъ въ минуту, такъ что до Зіаполи она дойдетъ примѣрно черезъ 30 часовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по исторіи русскаго искусства.

Н. И. Мишеевъ.

Бесѣда шестая:

Русская живопись въ XIX вѣкѣ; художники Тропининъ, Кипренскій, Алексѣвъ; Венеціановъ — отецъ русской жанровой живописи; Брюлловъ и „Послѣдній день Помпеи“.

Съ настоящей бесѣдой мы вступаемъ съ вами въ исторію русскаго искусства XIX столѣтія, когда появился у насъ рядъ величайшихъ художниковъ въ области, главнымъ образомъ, живописи. Конечно, въ прошломъ столѣтіи были въ Россіи и выдающіеся архитекторы, и скульпторы, однако живописцы стояли на первомъ мѣстѣ. О нихъ и будетъ теперь рѣчь.

Живопись изображаетъ въ краскахъ все то, что видитъ глазъ: природу, воздухъ, человѣка, животныхъ, строенія и все безконечное разнообразіе предметовъ, которые окружаютъ насъ. Вслѣдствіе этого, на картинахъ мы видимъ дѣйствительную жизнь, перенесенную на полотно. Чѣмъ талантливѣе художникъ, тѣмъ жизнь эта представлена у него ярче, понятнѣе, тѣмъ болѣе картины его намъ нравятся, тѣмъ скорѣе мы получаемъ отъ нихъ удовольствіе.

Такъ какъ живопись изображаетъ рѣшительно все, то она раздѣляется на нѣсколько видовъ, смотря по тому, что нарисовано на картинѣ. «Портретная живопись» даетъ намъ портреты. Если вы видите, что художникъ нарисовалъ какое-нибудь историческое событіе, то его живопись будетъ «исторической». Сюжеты исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта даютъ «религіозную живопись». Картины, на которыхъ предъ вашими глазами является природа: лѣсъ, рѣки, поля, относятся къ «пейзажной живописи» (отъ французскаго слова *paysage*): Если же на этихъ картинахъ изображаются сцены изъ жизни людей, то это будетъ «жанровая живопись» (отъ французскаго слова *genre*). Иногда художники рисуютъ фрукты, зелень, мертвыхъ рыбъ, птицъ, овощи, лежащія на столахъ, тогда мы

называемъ ихъ картины обычно французскимъ словомъ „*Nature morte*“, то есть „мертвая природа“. Наконецъ, нѣкоторые художники, особенно прошлаго времени, любили рисовать греческихъ и римскихъ боговъ, героевъ. Ихъ живопись называется мифологической, потому что рассказы, гдѣ описывались дѣла изъ жизни этихъ боговъ и героевъ, извѣстны подъ именемъ мифовъ.

Надо запомнить всѣ эти разнообразныя виды живописи, чтобы сразу опредѣлить, къ какому именно разряду живописи относится та картина, которую вы разсматриваете.

Изъ прошлой бесѣды вы узнали уже, что въ XVIII столѣтіи русское искусство дало двухъ замѣчательныхъ художниковъ, представителей «портретной живописи», это — Левицкій и Боровиковскій.

Въ началѣ XIX столѣтія, именно въ первой половинѣ его, прославились своими портретами художники О. А. Кипренскій (1783—1835 г.) и В. А. Тропининъ. Мы помѣщаемъ «Портреты читателей газеты», нарисованныхъ Кипренскимъ, и «Портретъ сына художника», принадлежащій кисти Тропинина. О. А. Кипренскій былъ извѣстенъ и за границей, особенно въ Италіи. Онъ былъ первымъ изъ русскихъ художниковъ, который удостоился помѣстить свой собственный портретъ въ галлерей великихъ художниковъ, что находится во Флоренціи. Онъ заслужилъ такую честь по праву. Всмотритесь въ его «читателей газетъ». Не правда-ли, какъ каждый изъ нихъ по-своему слушаетъ чтеніе? Сколько вниманія на ихъ лицахъ, такъ не похожихъ одно на другое! Ну, а развѣ Тропининъ плохо нарисовалъ сво-

Кипренский. Читатели газетъ.

Тропининъ. Портретъ сына художника.

его сына? Милый мальчикъ живымъ стоитъ передъ вами.

Въ началѣ XIX столѣтiя появляются у насъ и художники пейзажа. Однимъ изъ первыхъ былъ Ф. Я. Алексѣевъ (1753—1824). Его картины очень важны, какъ историческіе документы. На нашей репродукціи художникъ изображаетъ «Наводненіе 1824 г. въ Петербургѣ», описанное Пушкинымъ въ поэмѣ «Мѣдный всадникъ». Какъ худож-

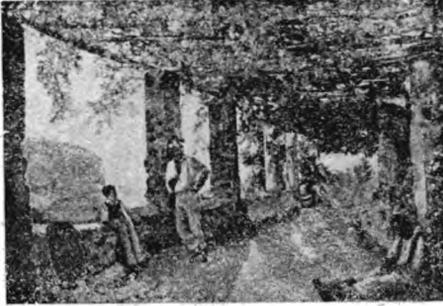
никъ пейзажа, гораздо выше Алексѣева Сильвестръ Шедринъ (1791—1830 г.). Онъ жилъ въ Италіи и писалъ картины красивой италъ-

Алексѣевъ.

Наводненіе 1824 г. въ Петербургѣ.

янской природы, одинъ изъ видовъ которой мы даемъ на его картинѣ «Терраса», гдѣ чувствуется такъ много воздуха и солнца. Но Щедринъ, какъ и другіе художники этого времени, не писалъ картинъ русской природы. Русскую при-

Щедринъ.

Терраса.

роду художники считали не красивой. Всѣ они подолгу жили, учились въ Италіи и считали, что только природа Италіи достойна того, чтобы ее изображать на полотнѣ. Красоту русской природы, простой и скромной, художники поняли много позднѣе.

Въ двадцатыхъ годахъ того же столѣтія появился въ русской живописи и бытовой жанръ. Его творцомъ считаютъ А. Г. Венеціанова (1779—1847 г.). Онъ былъ сыномъ нѣжинскаго огородника. Только на 27-мъ году жизни онъ почувствовалъ въ себѣ художника. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ копировалъ картины великихъ мастеровъ, находящихся въ Эрмитажѣ, но понималъ, что надо учиться у самой жизни. И вотъ бросаетъ онъ тогда Петербургъ, отправляется въ свою деревню Тверской губерніи и тамъ принимается за работу, въ результатъ которой является рядъ картинъ, гдѣ художникъ рисуетъ крестьянскую жизнь, работу помѣщиковъ. Посмотрите, на примѣръ, на его картину «Утро помѣщика». Мы видимъ здѣсь и помѣщицу, и крестьянокъ, принесшихъ ей сельскіе продукты. Картина хорошо нарисована. На ней красиво расположены свѣтъ и тѣни. Чувствуется глубина комнаты. Прекрасно

сдѣланы и всѣ предметы, находящіеся въ самой комнатѣ. Однако не находите-ли вы, что крестьянкѣ, которая стоитъ, не слѣдовало бы смотрѣть на васъ? Вѣдь она пришла къ помѣщицѣ, разговариваетъ съ нею, а не съ вами... вмѣсто этого, она смотритъ на васъ, и ей, по видимому, нѣтъ никакого дѣла до своей барыни. Какъ будто-бы она знаетъ, что ее рисуютъ. Все это говоритъ намъ, что художникъ, хотя и стремился изобразить жизнь, но ему не вполнѣ удалось исполнить задуманное, иначе онъ не заставилъ бы дѣйствующихъ лицъ своей картины позировать. Опять-таки крестьянки его слишкомъ какія-то приглаженныя, съ красивыми лицами, руками, въ изящныхъ, хотя и простыхъ, платьяхъ. И несмотря на все это, картина очень хороша, а, главное, Венеціановъ былъ первымъ изъ художниковъ, который началъ рисовать окружающую его простую,

Венеціановъ.

Утро помѣщицы.

обыкновенную жизнь. Въ этомъ его большая заслуга.

Однимъ изъ самыхъ великихъ художниковъ этого времени былъ Карлъ Павловичъ Брюлловъ (1799—1852), современникъ Венеціанова, Щедрина, Кипренскаго, значительно превосходившій ихъ и своимъ талантомъ, и своимъ влияніемъ

на дальнѣйшее развитіе русскаго искусства. Остановимся подробнѣе на этомъ художникѣ, имя котораго долженъ знать всякій образованный русскій человекъ.

К. Брюлловъ былъ сынъ академика живописи. Съ дѣтства очень слабый ребенокъ, онъ до семилѣтняго возраста не покидалъ постели. Очень рано у него появилась уже способность къ рисованію. Отецъ замѣтилъ это, началъ серьезно заниматься съ своимъ сыномъ, и вотъ мальчикъ 10 лѣтъ отроду поступаетъ въ Академію. Здѣсь необычно ярко и быстро развернулось большое дарованіе Брюллова. Профессора всегда ставили ему высшія отмѣтки за работы, а товарищи считали его чуть-ли не гениемъ, очень часто прибѣгая къ его помощи въ своихъ рисункахъ.

Окончивъ Академію, Брюлловъ на казенный счетъ отправился за границу — въ Италію, гдѣ онъ много учился, копируя картины великихъ мастеровъ, но гораздо больше изучая природу, рисуя съ натуры. Однако все это очень мало его удовлетворяло. Ему хотѣлось написать большую картину. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы для этого. Случайно довелось Брюллову быть на представленіи оперы «Послѣдній день Помпеи». Потомъ, когда онъ осматривалъ развалины древняго римскаго города — Помпеи, расположенной у подножія Везувія, то подъ вліяніемъ раньше видѣнныхъ въ театрѣ декораций разрушенія Помпеи, а теперь — непосредственнаго впечатлѣнія отъ самаго города, гдѣ удивительно сохранились дома, улицы, дороги съ слѣдами римскихъ колесницъ, — у него явилась мысль написать «Послѣдній день Помпеи». Горячая фантазія Брюллова нарисовала ему рядъ сценъ изъ этого ужаснаго дня, когда въ теченіе очень короткаго времени красивый городъ погибъ въ огнѣ, засыпанный пепломъ и залитый лавой Везувія. Художникъ съ увлеченіемъ принялся за работу.

Трудно представить себѣ тотъ успѣхъ, который картина «Послѣдній день Помпеи» имѣла въ Италіи.

Брюлловъ.

Автопортретъ.

Имя Брюллова сразу получило всеобщую извѣстность. При встрѣчѣ съ нимъ каждый снималъ шляпу. Въ театрахъ, при его появленіи, всѣ вставали съ мѣстъ, чтобы привѣтствовать «великаго мастера». Въ честь русскаго художника устраивались празднества. Итальянскіе журналы, газеты называли его гениемъ.

Въ 1834 г. картина прибыла въ Петербургъ и была выставлена въ Академіи. Всѣ пришли въ неописуемый восторгъ, увидѣвъ «Послѣдній день Помпеи». Особы императорской фамилии посѣщали его мастерскую. Въ совѣтѣ Академіи его голосъ теперь былъ рѣшающимъ. Художники, ученые, музыканты, писатели считали за честь быть его друзьями. Пушкинъ вымаливалъ у него рисунокъ. Кольцовъ подносилъ ему свои стихи. Глинка любилъ, какъ брата. Однимъ словомъ, всѣ носили великаго живописца на рукахъ, гордясь имъ, какъ прославившимъ русское искусство на весь міръ.

Кромѣ «Послѣдняго дня Помпеи», Брюлловъ написалъ еще много картинъ историческаго и религіозно-церковнаго содержанія, а также большое количество портретовъ, гдѣ онъ показалъ себя боль-

Брюлловъ.

Послѣдній день Помпеи.

шимъ мастеромъ, что можно видѣть по его автопортрету (см. репродукцію), гдѣ художникъ нарисовалъ себя въ свободной легкой позѣ, подчеркнувъ всѣ линіи своего характернаго красиваго лица.

Теперь рассмотримъ съ вами «Послѣдній день Помпеи». Эта картина поражаетъ насъ прежде всего удивительнымъ изображеніемъ движенія. Небо съ его молніями, дома, которые падаютъ вмѣстѣ съ украшавшими ихъ вершины статуями, люди, — все это движется, шумитъ, волнуется. Вся картина выражаетъ ужасъ и панику, охватившую жителей несчастной Помпеи въ моментъ изверженія Везувія. Для того, чтобы усилить впечатлѣніе, художникъ сдѣлалъ въ своей картинѣ яркій центръ, именно — въ срединѣ онъ бросилъ на мостовую красивую, освѣщенную заревомъ пожара женщину, къ которой ребенокъ въ отчаяніи протягиваетъ свои слабыя ручонки. Справа и слѣва этой женщины художникъ помѣстилъ группы обезумѣв-

шихъ отъ отчаянія людей. Съ правой стороны воинъ и юноша, почти мальчикъ, несутъ старика-отца. У темныхъ стѣнъ дома мужчина поддерживаетъ женщину, потерявшую силы. Съ лѣвой стороны видимъ группу изъ трехъ женщинъ, обнявшихъ другъ друга. Рядомъ съ ними высокій, еще крѣпкій старикъ. За ними видна бѣгущая въ ужасѣ отъ огня пара съ ребенкомъ. Далѣе еще группы. Въ глубинѣ — зарево огня, покрываемое темнымъ цѣпломъ Везувія.

Вся картина написана прекрасными красками, сохранившими свой блескъ до настоящаго времени. Даже на одноцвѣтной нашей репродукціи чувствуется замѣчательная игра свѣта и тѣни, переходы разныхъ тоновъ, дающіе картинѣ большой эффектъ освѣщенія. Неудивительно, что при своемъ появленіи она вызвала всеобщій восторгъ, давъ своему творцу славу и поставивъ его въ разрядъ великихъ художниковъ.

Пасхальное яичко.

Очеркъ Л. К.

Нѣтъ такого уголка въ христіанскихъ странахъ, гдѣ бы въ любомъ домѣ въ первый день Пасхи не нашлось нѣсколькихъ крашенныхъ яицъ. Ими мѣняются въ знакъ привѣтствія въ славянскихъ и скандинавскихъ странахъ, а катанье ихъ во многихъ мѣстахъ — даже общественная забава.

Однако ничто не ново подѣ луной. И яйцо, занявшее почетное мѣсто въ пасхальные дни у христіанъ, только — наслѣдство сѣдой древности.

Съ незапамятныхъ временъ съ яйцомъ связано много разныхъ сказаній о сотвореніи міра.

Такъ, индусы говорили, что міръ произошелъ отъ золотого яйца, которое плавало по безбрежному океану.

Древніе персы полагали, что вся вселенная съ ея яркимъ солнцемъ и серебристой луной образовалась изъ яйца, и даже имѣли въ храмахъ изображеніе его, сдѣланное изъ различныхъ металловъ. Они воспѣвали его въ своихъ религиозныхъ гимнахъ, и въ мартѣ, при пробужденіи природы, у нихъ былъ обычай биться красными яйцами, убирать ими свои обѣденные столы и посылать ихъ въ подарокъ своимъ друзьямъ.

О происхожденіи міра изъ яйца мы находимъ еще и у Геродота, который пишетъ, что вселенная возникла изъ яйца той сказочной птицы Феникса, которая жила цѣлыя столѣтія и, будучи сожжена, возрождалась изъ пепла.

Подобное же сказаніе объ яйцѣ мы встрѣчаемъ и въ древнефинскихъ сагахъ (преданіяхъ), гдѣ въ Калевалѣ разсказывается, что однажды могучему Вейнемайнену, носившемуся по безбрежному морю, сѣла на колѣни орлица и, свивъ гнѣздо, снесла яйцо. Почувствовавъ на ногахъ что-то теплое, Вейнемайненъ тряхнулъ колѣнями и

сбросилъ яйца въ море, которыя упавъ разбились. И вотъ изъ этихъ-то разбившихся яицъ Вейнемайненъ и создалъ солнце, луну и звѣзды, сказавъ: «Будь нижняя скорлупа землею, а верхняя небомъ! Свѣтись желтокъ, на небѣ солнцемъ, а ты, бѣлокъ, разгоняй ночную тьму луной! Остатки пусть да сдѣлаются звѣздами!» Шведы говорятъ: «Въ яйцѣ, съ виду безжизненномъ, кроется зародышъ жизни, который, сбросивъ земную оболочку, вознесется къ небесамъ въ видѣ птицы».

Наконецъ, и въ русскихъ старинныхъ рукописяхъ міръ нерѣдко уподобляется яйцу. Такъ, въ одной изъ нихъ мы читаемъ: «Небо и земля по всему подобны яйцу: скорлупа аки небо, плева аки облацы, бѣлокъ аки вода, а желтокъ аки земля».

Такимъ образомъ еще до христіанскаго лѣтосчисленія яйцо входило въ религиозный культъ язычниковъ и считалось признакомъ пробужденія природы послѣ долгаго зимняго сна. Первые христіане удержали его, и хотя они почитали яйцо не въ томъ смыслѣ, какъ язычники, но все-таки пользовались имъ въ день Воскресенія Христа въ качествѣ украшенія въ церквахъ.

Яйцо — символъ возрожденія, воскресенія духовнаго и тѣлеснаго. Потому оно сохранило смыслъ и у христіанъ, составляя непремѣнную принадлежность праздника Пасхи — праздника воскресенія Христа, природы и надежды человѣческой.

Первая христіанская церковь въ Египтѣ приняла страусовое яйцо въ качествѣ символа своей вѣры. Она видѣла въ яйцѣ символъ Спасителя: подобно тому, какъ въ яйцѣ готовится новая жизнь, такъ и Христосъ воскресъ для новой жизни, а вмѣстѣ съ Нимъ все человѣчество.

По преданію, Марія Магдалина первая воспользовалась яйцомъ,

какъ символомъ воскресенія Христа. Со словами «Христось воскресе!» она вручила алое яйцо императору Тиверію; алая окраска скорлупы обозначала кровь Спасителя, пролитую за искупленіе рода человѣческаго.

Отсюда и происходитъ обычай христосованія съ обмѣномъ яйцами.

Многіе народы приписываютъ пасхальному яйцу чудодѣйственную силу: свячоное яйцо подѣ образомъ охраняетъ домъ отъ молніи; яйцо, подвѣшенное въ хлѣву, заставляетъ скотъ плодиться; спрятанное въ карманѣ приноситъ счастье игроку и т. п.

Путешественникъ по Ассаму Джонъ Фостеръ Фрегеръ разсказываетъ о волшебной силѣ, которую приписываетъ яйцу горное племя хазисовъ въ Хазисскихъ холмахъ Ассамы. Ни одно болѣе или менѣе знаменательное событіе въ жизни хаза не проходитъ безъ гаданія посредствомъ разбиванія яицъ. По цѣлымъ часамъ группы хазисовъ гадаютъ и спорятъ, сопровождая свои споры швыряніемъ яицъ о землю, пока кругомъ не образуется озеро изъ желтковъ и бѣлка и горы яичныхъ скорлупъ. Иногда яйца для гаданія скатываются съ доски особеннаго устройства, и затѣмъ предсказаніе дѣлается по фигурѣ разбрызгавшагося яйца и разлетѣвшихся скорлупокъ. Когда желаютъ открыть причину какой-либо болѣзни или несчастья, къ яйцу обращаются съ рѣчью: «О, яйцо, я только человѣкъ! ничего я не знаю и ничего я не могу угадать. Ты можешь имѣть сношеніе съ духами, можешь служить посредникомъ между ними

и нами. Скажи же, что намъ дѣлать? Скажи, кто послалъ болѣзнь на этого человѣка? Если демонъ въ домѣ, пусть скорлупа ляжетъ наружной стороною; если въѣ дома, то внутренней».

Послѣ этого, гадающій плюетъ на лицо и, взявъ комочекъ глины, натираетъ ею яйцо такъ, чтобы наружная сторона скорлупы ясно выдѣлялась на землѣ. Передъ яйцомъ извиняются: «Я не плюю на тебя, чтобы оскорбить тебя, а только чтобы очистить и окрасить». И затѣмъ яйцо скатывается, какъ уже сказано.

Сцена при гаданіи очень оживленная. Гадающій и колдунъ громко выражаютъ свои чувства, удовольствіе или неудовольствіе по поводу полученнаго результата отъ гаданія, а зрители принимаютъ самое живое участіе во всемъ происходящемъ.

Недавно еще, лѣтъ 50—60 назадъ, въ глухихъ уголкахъ Россіи пасхальнымъ яйцомъ пользовались знахари и колдуны. Первые для лѣчебныхъ надобностей; вторыя — чтобы наводить «порчу» на враговъ и обидчиковъ.

Сейчасъ, конечно, пора суевѣрій миновала. Культурные люди не могутъ связывать своей судьбы съ безобиднымъ куринымъ яйцомъ, но на праздникѣ Пасхи оно осталось почетнымъ гостемъ, сохраняя и для насъ значеніе символа воскресенія и возрожденія.

Христось воскресе, дорогіе читатели! Съ Нимъ воскресаетъ къ жизни природа, и да воскреснемъ и мы духомъ къ жизни, исполненной правды, добра и совершенства.

Святой князь — защитникъ вѣры.

Статья В. Лодыженскаго.

Страшное несчастье обрушилось на Русь въ началѣ XIII вѣка. Это случилось около шестисотъ лѣтъ тому назадъ. Въ глубинѣ Азіи монгольскій ханъ Темучинъ подчинилъ себѣ остальныхъ монгольскихъ князей, былъ провозглашенъ Чингизъ-ханомъ, т. е. самодержцемъ, объединилъ многочисленныя азіатскія народности и создалъ огромное, хорошо обученное войско. Началось завоеваніе Китая, Малой Азіи, Туркестана и Европы. Русь была первой европейской страной на пути азіатскаго войска. Раздѣленная на мелкія княжества, она не въ силахъ была остановить наступающаго врага, хотъ и сопротивлялась.

Въ 1238 году ханъ Батый, наместникъ великаго хана Огодая, разорилъ всю приволжскую Русь, сжегъ столичный городъ Владиміръ, разбилъ русское войско на рѣкѣ Сити.

Черезъ два года покончилъ онъ съ южной Русью, разгромилъ Кіевъ, подчинилъ себѣ Галичъ. Теперь онъ сталъ хозяиномъ на Руси. Великій князь Владимірскій — Ярославъ, братъ убитаго въ бою на Сити великаго князя Юрія, поѣхалъ къ Батыею съ покорностью. Поѣхалъ къ нему и галицкій князь Даніилъ. Вся Русь потеряла свободу. Татарскіе баскаки-наместники обложили податью каждаго русскаго, обижали народъ и грабили уцѣлѣвшее отъ войны и пожаровъ. Русскіе князья хлопотали за свои княжества передъ дворомъ Батыею и тамъ же ссорились изъ-за первенства,

которое зависѣло теперь отъ татарскаго хана. Настало долгое время татарскаго рабства, но оно задержало татаръ на Руси и спасло остальную Европу отъ ихъ опустошительныхъ нашествій. Русь была всегда европейскимъ щитомъ для азіатскихъ народовъ и теперь дорогой для себя цѣной служила свою сторожевую службу. Прошли столѣтія, пока разрослась и окрѣпла Русь, собралась въ могучую русскую націю вокругъ единаго національнаго государя, стряхнула съ себя власть чужеземцевъ и въ своемъ государствѣ дала мирный пріютъ татарамъ, — уцѣлѣвшимъ на Руси потомкамъ бывшихъ грозныхъ своихъ завоевателей. Но тогда, когда владѣли Русью и хозяйничали въ ней татары, — трудное и тяжелое время переживалъ русскій народъ.

*

Все отобрано было отъ народа, все его имущество, да и самъ онъ зависѣлъ отъ чужой власти. Одно осталось у него никѣмъ не тронутое, но зато самое цѣнное. Осталась его религія, осталась христіанская православная вѣра. На этой вѣрѣ выросла при его отцахъ великая кievская Русь; эту вѣру, своихъ отцовъ перенесъ въ своемъ переселеніи народъ и въ приволжскую Русь. На ней мало-по-малу можно было строить успѣхи жизни, культуру; она одна только и могла создать изъ народа великую націю. Татары чужой вѣры не трогали, они съ уваженіемъ относились ко всѣмъ вѣрующимъ людямъ. Опасность

православію грозила въ то время съ другой стороны, съ запада, отъ нѣмцевъ-католиковъ, которые, послѣ раздѣленія христіанскихъ церквей, считали православныхъ еретиками и насильственно обращали въ католичество. Для этого напали на Русь и ливонскіе рыцари, и шведы. Приходилось силой защищать послѣднее свое самое цѣн-

Спиридона и, не дождавшись сбора большого войска, съ малымъ войскомъ пошелъ навстрѣчу врагу. Войска сошлись на берегахъ Невы, недалеко отъ моря. И передъ самымъ сраженіемъ произошло чудо. Морской стражникъ, по имени Филиппъ, на восходѣ солнца услышалъ необычайный шумъ въ морѣ и увидѣлъ судно, плывущее безъ

Изъ альбома русскихъ художниковъ.

Витязь. Картина Васнецова.

ное достояніе — православную вѣру.

И въ тотъ самый годъ, когда Батый громилъ Кіевъ, шведы подъ начальствомъ своего ярла-полководца Биргера напали на новгородскую землю. Защитникомъ Новгорода и вѣры русскаго народа выступилъ князь Александръ, сынъ великаго князя Ярослава, бывший тогда новгородскимъ княземъ. Шведское войско высадилось на берегахъ Невы. Когда узналъ объ этомъ Александръ, — говоритъ старая русская лѣтопись, — то въ горѣ онъ пошелъ въ новгородскій храмъ св. Софїи. Тамъ долго со слезами молился онъ передъ алтаремъ на колѣняхъ, взялъ благословеніе архіепископа

гребцовъ. Посрединѣ судна стояли св. мученики Борисъ и Глѣбъ. И сказали Борисъ брату: «братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе, чтобы мы могли успѣть помочь сроднику нашему Александру».

Произошла кровопролитная битва. Побѣда Александра была полной. Множество шведовъ было убито, остальные бѣжали, самъ Биргеръ былъ раненъ въ лицо Александромъ. Эта побѣда и доставила Александру названіе Невскаго, оставшееся за нимъ навсегда.

Но не кончилась этимъ борьба за русскія земли, а главное, за православную вѣру. Пока боролись со шведами, ливонскіе рыцари заняли Псковъ. Александръ отнялъ у нихъ

Псковъ и пошелъ на Чудскую землю, во владѣнія Ливонскаго Ордена. Тутъ, на льду Чудскаго озера, произошла знаменитая битва, которую зовутъ Ледовымъ побоищемъ. Ледъ на озерѣ сдѣлался краснымъ отъ крови. Александръ побѣдилъ, и опять при помощи чуда. Записано, какъ одинъ самовидецъ свидѣтельствовалъ, что видѣлъ въ воздухѣ полки Божіи, помогавшіе Александру. Освобожденный Псковъ торжествовалъ и встрѣтилъ князя крестнымъ ходомъ и ликованіемъ. Папа писалъ Александру изъ Рима, что обѣщаетъ ему помощь ливонскихъ рыцарей для борьбы съ татарами за принятіе католичества. Александръ отказался. Ни онъ, ни народъ не могли измѣнить вѣрѣ отцовъ.

Отецъ Александра, великій князь Ярославъ, умеръ при поѣздкѣ въ далекую Монголію. Тамъ теперь, послѣ смерти великаго хана Огодая, выбрали великимъ ханомъ его сына Гуюка. А Русью правилъ Батый и позвалъ къ себѣ на поклонъ Александра. Смиренно поѣхалъ къ нему Александръ, а отъ него въ Монголію на поклонъ великому хану Гуюку. Съ татарами сладить народу было еще не подъ силу, а самаго дорогого — православной вѣры они не касались. Потомъ сдѣлался Александръ великимъ княземъ Владимірскимъ. И на столѣ великаго князя заботы Александра были все тѣ же: какъ можно больше облегчать участь родного побѣжденнаго народа, умилиловать хановъ и отвратить погромы и разореніе. Въ послѣдній разъ поѣхалъ Александръ въ орду, когда во многихъ сѣверныхъ городахъ взбунтовавшійся народъ избилъ татарскихъ сборщиковъ податей. Новая бѣда грозила за это народу. Батый уже не было въ живыхъ. Русью правилъ ханъ Беркай, который и удовольствовался извиненіями Александра. Справедливо говорить «Житіе св. Александра», что

онъ ѣздилъ въ орду «избавы ради христіанскія». На обратномъ пути отъ хана заболѣлъ Александръ и скончался въ Городцѣ на Волгѣ. Вѣсть о его кончинѣ дошла до стольнаго города. Митрополитъ Кириллъ въ слезахъ вышелъ къ народу и сказалъ: «Закатилось солнце земли Русской. Благовѣрный великій князь Александръ скончался».

И съ рыданіями и плачемъ вышелъ весь народъ встрѣчать прахъ своего благодѣтеля и защитника своей вѣры.

*

Всю жизнь великій князь Александръ защищалъ свой народъ. Просьбами и покорностью защищалъ его жизнь и имущество, мечомъ защищалъ его вѣру. Безъ вѣры не могутъ жить ни отдѣльные люди, ни цѣлый народъ. На православной вѣрѣ окрѣпъ русскій народъ и при его правнукѣ, Дмитріи Донскомъ, всталъ на Куликовомъ полѣ противъ татаръ. И опять чудо. Въ ночь наканунѣ битвы спалъ служитель на паперти Владимірскаго собора. Проснулся и видитъ: сами собой зажглись свѣчи въ соборѣ, изъ алтаря вышли два старца и подошли ко гробу Александра. «Встань», сказали одинъ изъ старцевъ, «и поспѣши на помощь правнуку, котораго одолеваетъ иноплеменники». Александръ всталъ, и пропало видѣніе.

Все мѣняется и проходитъ въ короткой человѣческой жизни: горе и радости, несчастье и удачи. Одна вѣра остается навсегда свѣточемъ и строителемъ жизни. Русскій народъ и Православная Церковь признали святымъ Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, защитника православія и родного народа. Прошло много столѣтій, а память объ немъ живетъ и всегда будетъ жить въ сердцахъ людей вѣрующихъ и любящихъ свою родину.

На маневрахъ.

Р а з с к а з ь.

I.

Граница осталась уже далеко позади, когда вожатый Николай Тяпкинъ услышалъ за собой шумъ погони. Онъ еле успѣлъ спрятаться за небольшимъ кустомъ, какъ мимо него вихремъ промчались три скаута изъ арміи «черныхъ», задачей которыхъ было не пропустить ни одного «бѣлаго» къ своему «городу», расположенному въ 2 километрахъ отъ границы.

— Я видѣлъ, какъ онъ скрылся въ кустахъ, — переговаривались между собой «черные».

— Онъ здѣсь... Онъ никуда не могъ уйти...

Наконецъ, обыскавъ все кусты, кромѣ того, за которымъ лежалъ Тяпкинъ, скауты побѣжали дальше.

Тяпкинъ осторожно поднялъ голову и осмотрѣлся. Фигуры трехъ преслѣдователей видѣлись далеко впереди. Отчаявшись найти ускользнувшую жертву, они песиѣна шли по лѣсной дорогѣ, ведущей въ «городъ», проникнуть въ который было задачей нашего героя.

Не упуская изъ виду непріятельскихъ развѣдчиковъ, Тяпкинъ двинулся велѣдь за ними, ловко прячась за стволами деревьевъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что его кто-то дернулъ за ногу. Быстро обернувшись, онъ приготовился къ нападенію. Каково же было его удивленіе, когда изъ-за куста на него глянуло знакомое лицо его помощника Федьки Куля.

— Прячься скорѣй! Я тебя сейчасъ все объясню, — зашепталъ Федька, по лицу котораго было видно, что онъ находился въ сильномъ возбужденіи, — мнѣ какъ разъ тебя нехватало...

Тяпкинъ, немного сконфуженный тѣмъ, что сразу не замѣтилъ своего помощника, покорно пригнулся къ землѣ.

— Посмотри сюда: видишь, тамъ, на песчаномъ холмѣ, 2 скаута сидятъ?

Снимокъ изображаетъ группу германскихъ скаутовъ и пріѣхавшихъ къ нимъ въ гости датскихъ скаутовъ у памятника Битвы Народовъ въ Лейпцигѣ.

Это черные... Они несутъ важное донесеніе своему главнокомандующему. Я это подслушалъ у тѣхъ троихъ скаутовъ, что гнались за тобой. Сейчасъ эти двое сидятъ надъ топографической картой; заблудились, должно быть...

Тяпкинъ молча кивнулъ головой, въ

которой уже созрѣвалъ планъ захвата депеши въ свои руки.

Оба «черныхъ» сидѣли на краю пемысокаго, но крутого обрыва. Разматривая карту, они вынули изъ кармана также и свертокъ съ донесеніемъ, который и положили на песокъ, рядомъ съ собой.

Сдѣлавъ знакъ товарищу слѣдовать за собой, Тяпкинъ, какъ змѣя, поползъ

— Какъ ты думаешь, Федя, что мы съ этимъ конвертомъ будемъ дѣлать? Вѣдь пока его начальству доставишь, до тѣхъ поръ мало ли что можетъ случиться.

— Вскрой его сейчасъ. Я думаю, что это не будетъ незаконно...

— Ну, хорошо, — согласился вожакий и, распечатавъ конвертъ, развернулъ сложенный листъ бумаги.

Маневры.

Сигнализация.

между кустовъ по направленію къ ничего не подозрѣвавшимъ скаутамъ.

— Ну, конечно, мы заблудились, — говорилъ одинъ изъ нихъ, тщетно стараясь найти на картѣ ихъ теперешнее мѣсто-нахожденіе.

— Мы шли сначала такъ, потомъ такъ...

Онъ не договорилъ: сильнымъ толчкомъ оба скаута были спущены подъ горку. Когда, опомнившись, они взошли наверхъ, — конвертъ съ донесеніемъ исчезъ. На его мѣстѣ лежалъ листокъ бумаги, на которомъ было написано: «Спасибо за услугу! Куль, Тяпкинъ».

II.

Немного отдышавшись послѣ стремительнаго бѣга по лѣсу, Тяпкинъ спросилъ своего помощника:

Къ удивленію обоихъ, послѣдній былъ совершенно чистъ. Никакихъ признаковъ письма...

— Какъ тебѣ это нравится? Ловко они насъ одурачили!

— Хм-м... — промычалъ въ отвѣтъ Куль, внимательно осматривая конвертъ.

— Нашель! — воскликнулъ онъ радостно. Дѣйствительно, на внутренней сторонѣ конверта имѣлась какая-то надпись... Но...

Но тутъ послышался трескъ сучьевъ, и передъ ними выросъ отрядъ «черныхъ».

Наши скауты бросились на утекъ. Сквозь кусты, — направо, налево, по какому-то болоту, — и, наконецъ, оба очутились снова въ лѣсу. Когда они хватились конверта, оказалось, что онъ былъ ими оставленъ, или потерявъ во время бѣгства. Тяжело вздохнувъ, Куль и

Тяпкинь отправились къ видѣвшемуся недалекѣ просѣту. Оказалось, что они находились совсѣмъ близко отъ неприятельскаго города. Отсюда, какъ на ладони, было видно расположеніе сторожевыхъ постовъ.

Въ самомъ же городѣ не было никого, такъ какъ, по правиламъ игры, туда могъ заходить только неприятель. Въ серединѣ его развѣвалось знамя «черной» партіи.

— Если намъ сейчасъ не удастся захватить ихъ знамя... — началъ Куль.

— ...то каждая каракатица будетъ лучше насъ обоихъ вмѣстѣ взятыхъ, — докончилъ Тяпкинь и ползкомъ двинулся впередъ. Вслѣдъ за нимъ безшумно поползъ и его помощикъ. Хотя мѣстность вокругъ города была сравнительно открытой, но наши скауты такъ ловко прятались за каждую неровность почвы, что имъ удалось доползти незамѣченными до небольшой группы кустовъ, находящейся уже недалеко отъ города. Здѣсь они раздѣлились: Тяпкинь поползъ дальше, а его спутникъ остался въ кустахъ.

Скоро вожатый былъ замѣченъ неприятелемъ. За нимъ погнались, но было уже поздно: онъ находился въ безопасной зонѣ. Спокойно взявъ въ руки чужое знамя, Тяпкинь неспѣша подошелъ къ самому краю безопаснаго района.

«Черные» густой стѣной стояли противъ него, и, стоило ему перейти въ другое мѣсто, какъ живая стѣна перемѣщалась вмѣстѣ съ нимъ. О томъ, чтобы вырваться изъ города, нечего было и думать. «Черные» торжествовали. Вдругъ Тяпкинь размахнулся и перебросилъ знамя далеко за головы сторожей, прямо въ кусты, гдѣ сидѣлъ, никѣмъ не замѣченный, Куль.

Тотъ моментально подхватилъ знамя и бросился бѣжать въ сторону лѣса.

«Черные» сначала обомлѣли отъ неожиданности, а потомъ, поднявъ страшный гамъ, пустились въ погоню. Но Куль уже скрылся въ лѣсу и скоро очутился въ безопасности.

III.

У «черныхъ» осталась надежда лишь на то, что похитителя знамени не пропуститъ пограничная стража. И дѣйствительно, пробраться сквозь цѣпь сторожевыхъ постовъ было не легко. Кроме того, Куль случайно могъ наткнуться на неприятеля въ любомъ мѣстѣ территории «черныхъ». Зная это, онъ пробирался впередъ съ большими предосторожностями, почти все время пригнувшись къ землѣ и поминутно останавливаясь, чтобы прислушаться къ шуму погони. Вдругъ его взглядъ упалъ на клочокъ бумаги, лежавшей на травѣ.

«Потерянное донесеніе», — мелькнула у него мысль. Дѣйствительно, клочокъ бумаги оказался тѣмъ самымъ конвертомъ, который такъ неосторожно потеряли наши пріятель. Наконецъ-то онъ могъ прочитать написанное на конвертѣ. Донесеніе оказалось приказомъ усилить охрану города, въ виду возможности скорого нападенія со стороны «бѣлыхъ».

— Хорошо, что этотъ приказъ не попалъ въ руки «черныхъ», а то намъ съ Колькой врядъ ли удалось бы захватить ихъ знамя, — и удовлетворенный своей находкой Федя двинулся дальше.

Теперь до границы было недалеко, и, чтобы не попасться въ руки неприятелю, приходилось почти все время ползти на животѣ. Вотъ ужъ видна широкая дорога, служащая границей между территориями «бѣлыхъ» и «черныхъ».

Федя ползеть со знаменемъ въ рукѣ... Вдругъ вокругъ него сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздаются свистки, — и прямо на него мчатся пограничники. Напрягнувъ все силы, Куль бѣжитъ къ границѣ. Осталось всего лишь 20, потомъ 10, потомъ 5 метровъ до дороги... Погоня настагаетъ. Наконецъ настаетъ моментъ, когда десятки рукъ уже протягиваются, чтобы выхватить у него драгоценный трофей. Но Куль дѣлаетъ отчаянное усиліе, — и знамя, пронесаясь въ воздухѣ, падаетъ далеко за черту границы въ руки подоспѣваемаго отряда «бѣлыхъ».

В. Приселковъ.

Юбилейная выставка марокъ въ Копенгагенѣ. 22-го апрѣля въ зданіи Главной Почты въ Копенгагенѣ открылась интересная выставка почтовыхъ марокъ, приуроченная къ 75-лѣтнему юбилею датскихъ почтовыхъ марокъ. Богатѣйшій матеріалъ наглядно показываетъ исторію датской марки, и среди выставленныхъ экземпляровъ имѣются всѣ рѣдкости, о которыхъ мечтаютъ даже самые крупные коллекціонеры. Особенно поражаетъ посѣтителей, главнымъ образомъ юныхъ, то, что даже самыя рѣдкія марки представлены не одиночными экземплярами, а цѣлыми листами. Нѣкоторыя марки вообще никогда не увидѣли свѣта. Таковы первыя марки съ изображеніемъ короля Христіана XII, не поступившія въ продажу. Имѣются здѣсь и дорогія марки въ 4 ск. 1851 года, и марки 1863, на которыхъ впервые примѣнялось подобіе зубченія, и наконецъ первыя зубченныя марки — 1865 г. Особое вниманіе знатоковъ привлекаетъ листъ марокъ 1870 года въ 48 скиллинговъ (каждый экземпляръ стоитъ около 25 долларовъ). Такъ же полно представлены всевозможные провизоріи, изъ коихъ отмѣтимъ рѣдко встрѣчающуюся перепечатку въ 2 эре на 5-эровой маркѣ (Фарерскіе острова). Разумѣется, выставлены тысячи разновидностей опечатокъ, пробныхъ отпечатковъ и т. д.

При выставкѣ имѣется маленькое отдѣленіе, въ которомъ можно приобрести цѣлый комплектъ перепечатокъ (на служебныхъ маркахъ) за 1 кроу 25 эре. Чтобы пресѣчь спекулятивные покупки, каждый посѣтитель можетъ купить не выше четырехъ комплектовъ.

Въ Даніи выпущены двѣ новыя перепечатки для использованія старыхъ запасовъ: 12 эре на 15-эровой лиловой (съ королемъ Христіаномъ X) и 7 эре на одноэровой служебной (оранжевой) маркѣ выпуска 1915/1920 года.

Стдѣль обмѣна.

Викторъ Сновородинъ (Рига, Бл. Московская ул. 273, кв. 5) желаетъ обмѣниваться марками и проситъ прислать: Югославію, Болгарію, Австрію, Венгрію, Францію и Испанію. Въ обмѣнъ можетъ дать: Швейцарію, Эстонию, Польшу, СССР, Бѣлоруссію, Африку и Россію.

Бенонъ Явчерсонъ, Ковно (Литва), Кестуціо ул. 29, кв. 4. Желаетъ мѣнять литовскія марки на марки всѣхъ странъ міра.

Редакторъ «Юнаго Филателиста» принимаетъ юныхъ филателистовъ по четвергамъ отъ 4—6 часовъ и только по предварительной записи.

КОНКУРСЪ.

Задача № 29.

К т о о н и ?

Путем перестановки букв и соединения их въ слова (въ карточкахъ № 1, 5, 7 и 10 составить два слова, а въ карточкахъ № 2,

3, 4, 6, 8 и 9 — одно слово) нужно узнать, кто именно владѣльцы и владѣлицы слѣдующихъ десяти визитныхъ карточекъ.

1. <i>Конон П. Слетов</i> <i>Рига</i>	2. <i>Ж. Ост</i> <i>Рига</i>	3. <i>В. Кук</i> <i>Режица</i>	4. <i>М. Трик</i> <i>Жарва</i>
5. <i>Иван П. Воронко</i> <i>Тдов</i>	6. <i>Зита Вук</i> <i>Орша</i>	7. <i>А. Ж. Шельт</i> <i>Чита</i>	
8. <i>Ж. Вирт</i> <i>Капри</i>	9. <i>Рина Пале</i> <i>Бурма</i>	10. <i>Граф</i> <i>Хатаниель Лачека</i>	

Конкурсъ подписчиковъ.

Въ талонѣ конкурса въ № 8 журнала игралась опечатка. Срокъ присылки рѣшеній задачъ №№ 27 и 28 не 20 апрѣля, а 15 июня сего года; къ тому же сроку должны быть сообщены имена новыхъ подписчиковъ.

Многіе изъ нашихъ постоянныхъ читателей обратились къ намъ съ просьбою облегчить условія конкурса. Нѣкоторые пишутъ намъ: «Я надѣюсь рѣшить обѣ задачи и самъ состою Вашимъ подписчикомъ съ самаго начала, но, гдѣ я живу, нѣтъ больше русскихъ дѣтей, и я не могу получить новаго подписчика, а это необходимо, чтобы получить двадцать очковъ. Я могу только получить

пятнадцать очковъ, тогда какъ живущіе въ Ригѣ или другомъ городѣ легко могутъ собрать подписчиковъ».

Чтобы облегчить нашимъ постояннымъ читателямъ полученіе желанныхъ премій, редакция охотно предоставляетъ имъ право рѣшить еще одну задачу (№ 29), помѣщаемую въ настоящемъ пасхальномъ номерѣ, за которую такъ же, какъ за задачи №№ 27 и 28, зачисляется 5 очковъ. Такимъ образомъ для полученія премии достаточно рѣшить всѣ три задачи и состоять самому подписчикомъ. Въ остальномъ условія конкурса остаются прежними.

Почтовый ящикъ „Юнаго Читателя“.

Ивану Вилутисъ. Не все изъ присланнаго Вами подходит, такъ какъ нѣкоторыя скороговорки всѣмъ извѣстны и не новы.

И. Мильту. Гдѣ задачи 1-ой и 2-ой серіи? Почему Вы не приложили талона?

Каждану. У Васъ нехватаетъ талона 4-ой серіи къ задачамъ 14—17.

М. Добротворскому. Въ Вашихъ стихахъ повторяется ошибка большинства — не выдержанъ размѣръ и рифмы неудачны, хотя стихи содержательны. Почитайте стихи хорошихъ русскихъ поэтовъ и поработайте надъ стихомъ.

Талонъ къ задачѣ № 29.

Послѣдній срокъ отправки этого талона и рѣшенія 15 іюня

Имя и фамилія

Адресъ .....

NB. Списокъ подписчиковъ, привлеченныхъ мною, при семъ прилагаю.

Безъ приложенія талона рѣшенныя задачи не разсматриваются.

Конкурсъ рисунковъ

Редакція журн. „Юный Читатель“ совместно съ редакціей газ. „Слово“, объявляетъ конкурсъ дѣтскихъ рисунковъ.

Рисунки въ конвертѣ съ надписью „Дѣтскій Рисунокъ“ можно отправлять, какъ въ „Слово“, такъ и непосредственно въ журналъ „Юный Читатель“ — Рига, улица Вальдемара 63.

Къ рисункамъ надо приложить фотографію автора и указать его адресъ и возрастъ.

Портреты авторовъ и премированные рисунки будутъ напечатаны, какъ въ „Словѣ“, такъ и въ „Юномъ Читателѣ“.

Будутъ выданы награды, призы, игрушки и пр.

Жюри конкурса: академикъ Богдановъ-Бѣльскій, Виноградовъ, худ. Прандэ и худ.-критикъ, проф. Мишеевъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

:: :: Подъ редакціей Л. Кормчаго. :: ::

Русская и иностранная классическая литература. :: Книги
для дѣтей и юношества. :: Научно-популярные труды.

Цѣль „Дешевой библиотеки“ дать за самую минимальную
цѣну въ безукоризненномъ, какъ по виѣшности, такъ и
въ редакціонномъ смыслѣ, изданіи лучшія произведенія
русской и мировой литературы, избранныя книги для чтенія
подростающему поколѣнію и матеріалы для самообразованія.

Вышли въ свѣтъ:

- Вып. 1. А. С. ПУШКИНЪ. Капитанская дочка.
„ 2. Н. В. ГОГОЛЬ. Тарасъ Бульба.

Печатаятся :

- Вып. 3. Н. В. ГОГОЛЬ. Вечера на хуторѣ
близъ Диканьки, часть I-ая.
„ 4. А. С. ПУШКИНЪ. Повѣсти Бѣлкина.
„ 5. Н. В. ГОГОЛЬ. Вечера на хуторѣ
близъ Диканьки, часть II-ая.

Цѣна каждаго выпуска **60** сант. (**30** руб.). За гран. **15** америк. центовъ.

Редакція и контора : Рига, Вальдемарская улица № 63, телефонъ 36-12.

Изд. „САЛАМАНДРА“

Обращаемъ внимание русскаго читателя:

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналъ для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками не менѣ сорока страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛО-
ЖЕНИЯМИ И
ПРЕМИЕЙ по
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ на премию въ сто латъ (5000 рублей). * Особое приложение: „Дневникъ проказника“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), 1/2 года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, телефонъ 36-12
Текущій счетъ на почтѣ № 917.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Двухнедѣльн. иллюстри-
рованный литературно-
художественн. журналъ.

Редакторъ литературн. отдѣла **Б. К. Зайцевъ**. * Сотрудники: М. А. Алдановъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Балмонтъ, Н. Г. Бережанскій, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, М. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, М. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ и др. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ, Ю. Г. Рыковский и др. Обложка Добужинскаго. * Цѣна отд. № начиная съ № 14 — 50 руб. въ Латвіи, 25 ам. ц. загр. Подписная плата съ 1 марта на 3 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 латовъ, за границей — 1 дол. 50 цент. амер. На 1 мѣсяцъ въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 лит., за границей — 50 ам. цент. Подписная плата за комплекты **Январь-февраль** (5 №№ прежняго объема и 1 увеличеннаго): въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 лит., загр. — 1 дол. 25 цент. Комплектъ за 1925. г. — №№ 1—8 высылается: за 6 лат. въ Латвіи, 15 лит. въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. за границу. Адресъ: Рига, Б. Кузнечная 43. Почтовый текущій счетъ издательства № 916 — на этотъ счетъ можно вносить подписную плату во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ Латвіи, Литвѣ, Эстоніи и другихъ стран., съ обозначеніемъ: „Postschek-Conto Riga № 916“.

Открыта подписка на большую ежедневную русскую газету на 1926 г.

„Слово“

Изданіе Аки. Общества „Саламандра“, Рига (Латвія), б. Кузнечная 43. Тел. 26-70 и 83-40.

„СЛОВО“ — поставлено по образцу Западно-Европейскихъ газетъ. * „СЛОВО“ — имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ, въ Африкѣ, а также въ Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи и Финляндіи. * „СЛОВО“ — имѣетъ самую широкую информацию и иллюстрировано фотографіями и рисунками. * „СЛОВО“ — даетъ наиболѣе свѣжія и послѣднія сообщенія изъ Совѣтской Россіи. * Въ „СЛОВѣ“ участвуютъ лучшія литературныя, научныя и обществен. силы. * Подписн. цѣна: въ Ригѣ — 2 л. (100 р.) въ мѣсяцъ, въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.), за границей — 70 амер. центовъ.

Премъ объявленій открытъ.

въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.)
за границей — 70 амер. центовъ

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“

Вышелъ вып. 1-ый: А. С. Пушкинъ. „Капитанская дочка“ — цѣна 60 сант. (30 руб.)

Вышелъ вып. 2-ой: Н. В. Гоголь. „Тарась Бульба“.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, тел. 36-12.

ОПТИКА и ВСѢ
принадлежности для фотографіи
Рига, Бульв. Аспазіи № 8. Тел. 15-03.

„ОКО“

Изд-во „ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“ Акц. О-во

уголъ Театральной ул. и бульв. Аспазіи.

Книги для дѣтей и юношества:

Въ нашемъ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ всегда имѣется полный подборъ всѣхъ вышедшихъ и вновь выходящихъ дѣтскихъ книгъ какъ за рубежомъ такъ и въ Россіи.

Книжки съ картинками:

Дѣтскій островъ
Красная шапочка
Четвероногіе проказники
Робинзонъ Крузо
Сказки 1001 ночи
Хижина дяди Тома
Путешествіе Гуливера
Волшебная лошадка
Крокодилъ
Гривудъ. Исторія маленькаго оборвыша
Ждановъ. Русь на переломѣ
Желиховская. Въ татарскомъ захолустьи
— Князь Иликъ
Истменъ. Охиджеза
Куперъ. Звѣробой
— Кожаный чулокъ
— Послѣдній изъ Могиканъ
— Прерія
— Слѣдопытъ
Маленькій король
Слонъ Мока и Мишукъ.

На нашихъ складахъ имѣется постоянно самый большой и полный выборъ **новѣйшей** беллетристики, научной и дѣтской литературы на латышск., русск., нѣмецк., англійск. и французск. языкахъ.

Для средняго возраста:

Андерсенъ. Повѣсти для дѣтей
Афанасьевъ. Сказки
Бутенева. Вѣрныя собаки
Волшебная сказка китайцевъ
Гофманъ. Шелкунчикъ
Достоевскій. Избран. рассказы
Жуковский. Избран. сочиненія
Пушкинъ. Сказки
Радуга. Русскіе поэты
Мейеръ-Лемго. Поѣздка на луну
Немировичъ-Данчелко. Край золотого заката
В. Скоттъ. Айвенго
Форслундъ. Зунзунгъ и Зингилла
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ
Тургеневъ. Избранныя сочиненія
Чеховъ. Избранные рассказы.

Для юношества:

Альбановъ. Между жизнью и смертью
Вегенеръ. Воспоминанія путешественника
Геднъ. Багдадъ
— Въ Тибетѣ
— Іерусалимъ
— Пустыни Азіи
— Трансгималаи

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.